

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Пройти
чистилище

ЭКСМО

Обретение ада

Чингиз Абдуллаев

Пройти чистилище

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

Пройти чистилище / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1996 — (Обретение ада)

Юджин – разведчик-нелегал давно привык к смертельной опасности и риску. Но новое задание – выявить «крота»-предателя в собственных рядах – требует от него предельного напряжения сил и непредсказуемых поступков. «Крот» разоблачен, сложнейшая многоходовая операция блестяще завершена, но Юджин арестован. И тут события принимают неожиданный оборот.

Содержание

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	5
Часть 1	10
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	34
ГЛАВА 7	38
ГЛАВА 8	43
ГЛАВА 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Чингиз Абдуллаев

Пройти чистилище

*Я, прочитав над входом, в вышине
Такие знаки сумрачного цвета,
Сказал: «Учитель, смысл их страшен мне».
Он, прозорливый, отвечал на это:
«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета».
Данте Алигьери «Божественная комедия»*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Он запомнил эту встречу на всю жизнь. Его привезли на подмосковную дачу, специально предназначенную для таких агентов, как он. Именно отсюда он должен был уезжать в аэропорт. Все было обговорено, все было решено. Оставалась эта последняя встреча, после которой он перестанет существовать. Вернее, перестанет существовать человек под его именем и с его биографией. Вместо него должен появиться уже совсем другой человек, с другой биографией, другой национальностью и другим образом жизни.

По непонятному капризу всемогущего председателя КГБ он должен был перед отъездом встретиться с ним. Может, потому, что эта операция была чрезвычайно важна, а может, потому, что это была первая серьезная проверка нового начальника разведки, только назначенного на эту должность и всю свою жизнь прослужившего до этого помощником при всесильном председателе.

Юрий Андропов был человеком непонятным и загадочным даже для ближайшего окружения. Он, интеллектуал, человек высочайшей эрудиции, читавший в подлиннике английских и американских авторов, знавший и любивший настоящую классическую литературу, даже пытавшийся сочинять стихи, держал при себе сухого, сдержанного, всегда корректного Владимира Крючкова. Никто не сомневался в добросовестности и пунктуальности Крючкова. Но это был человек без Божьей искры. Он был типичный служака, еще более замкнувшийся в себе после назначения руководителем разведки. По непонятным причинам Андропов не очень любил его предшественника, Федора Константиновича Мортина, занимавшего должность руководителя Первого главного управления КГБ СССР около трех лет – с 1971 по 1974 год. До него разведку возглавлял легендарный Александр Михайлович Сахаровский, проработавший на этой нелегкой работе более полутора десятков лет.

Андропов решил в этот раз лично проверить подготовку агента и должный уровень его знаний для работы в качестве нелегала. И поэтому, взяв нового начальника разведки, которого он знал уже более двадцати лет, председатель КГБ выехал лично на встречу с агентом, что он делал обычно в исключительных случаях.

Теперь, сидя в своем автомобиле рядом с Крючковым, как всегда несколько скованным и напряженным в присутствии своего «вечного» шефа, Андропов глядел в окно. Была поздняя осень, и сильный дождь бил по окнам автомобиля, уже выехавшего на шоссе.

– Холодно, – сказал неожиданно Андропов, словно обращаясь к самому себе.

Водитель, понявший его с полуслова, включил печку. Андропов поежился, непонятно почему, то ли от холода, то ли от неожиданной заботы своего сотрудника, и взглянул на Крючкова.

– Думаешь, все будет в порядке?

– Он хорошо подготовлен, – сказал осторожно Крючков, – легенду разрабатывали два года. Все как будто в порядке.

– Все в порядке никогда не бывает, – добродушно заметил Андропов. Он снова посмотрел в окно и спросил: – Что у нас по Швеции?

– Стацкевич ¹ передал – все в порядке. Можно будет выслать людей уже через неделю.

– Это хорошо. Нам постоянно нужно держать там все на особом контроле. Скандинавия сейчас – важное направление.

– Я понимаю, Юрий Владимирович.

– В будущем году подписание договоренностей в Хельсинки. Нам нужно больше информации по этому региону. Пошли в Финляндию еще несколько человек. Могут там понадобиться.

– Обязательно.

– И передай нашим резидентам в Копенгагене и Осло, чтобы активизировались. Особенно в Дании. После Данилова ² Могилевич ³ должен серьезно усилить свою работу. Да и Титов ⁴ в Осло очень опытный человек. А это ведь страны НАТО. – Он специально называл фамилии и страны, проверяя реакцию Крючкова. Но тот, обладавший исключительной памятью, согласно кивал, не удивляясь, в свою очередь, феноменальным способностям Андропова. Он их знал лучше других.

– Я дам установки во все наши резидентуры, – ответил Крючков, – сам буду контролировать работу их отдела.

Андропов снова замолчал. Отвернувшись, он смотрел в окно. Автомобиль, съехав с основного шоссе, уже катил по проселочной дороге. Впереди шла другая машина с работниками управления. Они проехали около трех километров, пока не оказались у довольно высокого забора, за которым и находилась дача Первого управления.

По сигналу из первого автомобиля ворота раскрылись, и обе машины въехали на территорию. Из дома уже спешили выбежавшие оттуда двое мужчин в темных костюмах. Андропов вышел из автомобиля и, слегка нахмурившись, посмотрел на Крючкова. Тот, поняв по его взгляду, что председателя что-то раздражает, нервно оглянулся. Кажется, все было в порядке.

Андропов сделал несколько шагов вперед. Обернулся к Крючкову.

– Владимир Александрович, – он всегда называл так Крючкова при людях, – одного я знаю. Это Колтунов. А второй? Неужели это наш нелегал? И он так гуляет по даче под дождем? Может простудиться. – Когда Андропов позволял себе так иронизировать, он был недоволен, и Крючков это знал.

«Неужели действительно этот тип выбежал на улицу? – с неудовольствием подумал Крючков. – Совсем ничего не понимает». Он взгляделся во второго. Кажется, он его знает. Он напряг память. Это подполковник Трапаков из восьмого отдела ⁵. Крючков чуть задержал дыхание и быстро сказал идущему впереди Андропову:

– Это не он, Юрий Владимирович. Это наш сотрудник, работающий с ним. Подполковник Трапаков.

– Тем лучше, значит, не простудится, – сказал Андропов, не замедляя шага.

Он подошел к обоим офицерам и, не подавая им руки, кивнул в знак приветствия. Андропов ценил своих сотрудников, но не любил панибратства. Сзади топал, тяжело дыша, началь-

¹ Стацкевич Николай Викторович – резидент ПГУ КГБ в Швеции в 1974 году. (Здесь и далее прмеч. автора.)

² Данилов Анатолий Александрович – резидент ПГУ КГБ в Дании до 1973 года.

³ Могилевич Альфред Федорович – резидент ПГУ КГБ в Дании в 1974 году.

⁴ Титов Геннадий Федорович – резидент ПГУ КГБ в Норвегии в 1974 году.

⁵ Восьмой отдел ПГУ КГБ занимался разведывательной деятельностью против неарабских стран Ближнего Востока, в том числе и Турции.

ник восьмого отдела, ответственный за переброску и легенду агента. Андропов посмотрел на стоявших перед ним офицеров.

– Кто будет показывать мне нашего «специалиста»?

Офицеры молчали.

Андропов усмехнулся и вдруг спросил:

– Он ведь должен пройти через Турцию? Кто из вас знает турецкий?

– Я, товарищ генерал, – несмело сказал Трапаков.

– Вот вы со мной и пойдете. А остальные нам не нужны. Показывайте вашего подопечного.

Втроем они вошли в дом.

Он часто потом вспоминал об этом. Конечно, его заранее предупредили о подобном визите, но сама встреча оказалась неожиданной.

Как раз в тот момент, когда в его комнату вошли гости, он, намылив лицо, собирался бриться. И даже успел срезать часть вчерашней щетины на левой щеке. Он всегда начинал бриться именно с левой стороны. Вдруг дверь открылась, и в его комнату вошел сам председатель КГБ.

Он даже не успел стереть мыло. Просто замер, вытянувшись перед генералами. Следом за Андроповым вошли Крючков и Трапаков.

– Добрый день, – приветливо сказал Андропов, – кажется, мы не вовремя.

Он схватил полотенце и, вытерев лицо двумя резкими движениями руки, снова замер.

Андропов усмехнулся. Подчеркнуто вежливо спросил:

– Нам можно сесть?

Он, еще не совсем понимая, что именно происходит, растерянно кивнул. Андропов сел на стул, стоявший рядом с ним, и, махнув рукой, разрешил сесть остальным.

– Растерялись? – спросил он.

– Немного, товарищ генерал.

– Садитесь и вы, – разрешил Андропов. Он понимал смущение сотрудников разведки. Председатель КГБ очень редко встречался с нелегалами, предпочитая просматривать их письменные донесения.

– Как вас зовут? – вдруг спросил по-английски Андропов.

Он смутился. Но мгновенно принял решение.

– Кемаль Аслан, – он впервые назвал себя тем именем, под которым ему теперь предстояло жить.

– Вы хотите уехать в Америку?

– Если получится, конечно. У меня там дядя.

– Где вы изучали английский язык?

– В детстве я жил в Америке, но помню его не совсем хорошо. До шести лет жил в Филадельфии. Потом семья переехала в Болгарию.

Андропов обернулся к Трапакову.

– Спросите его что-нибудь на турецком. Я хочу посмотреть на его дикцию, динамику речи и манеру себя держать.

– Где вы будете жить в Турции? – спросил Трапаков.

– В Измире живет мой второй дядя. После смерти отца мы жили с матерью на ее родине, в Бургасе. Теперь я собираюсь вернуться в Измир.

Трапаков посмотрел на Андропова. Тот кивнул и уже на русском спросил:

– Вам все объяснили?

– Все, товарищ генерал.

– Вы едете не на один год и не на два. Возможно, лучшие годы вашей жизни пройдут там, за рубежом. Это очень нелегко, но так нужно. Когда вам будет особенно трудно, всегда

помните, что у вас есть Родина, во имя которой вы и делаете свою работу. Мы всегда будем помнить о вас. Что бы там ни произошло. Ведь вам, кажется, нет еще тридцати лет?

Андропов прочел его досье перед приездом на дачу. Память у него действительно была отменная.

– Да, товарищ генерал.

– Есть какие-нибудь просьбы, пожелания?

– Нет, товарищ генерал.

Председатель заметил на столе смешного медвежонка. Он почему-то взял в руки игрушку, помял ее и, положив на стол, тихо уточнил:

– Это по вашей легенде?

– Любимая игрушка моего персонажа. Она с ним была еще в Филадельфии. Ее подарил дядя, – объяснил Кемаль.

– Симпатичное существо, – без улыбки сказал Председатель. Андропов смотрел ему в глаза, словно спрашивая, сумеет ли он, выдержит ли. И вдруг спросил: – А песни какие вы любите?

– Песни? – На мгновение он запнулся и быстро нашелся: – Разные, товарищ генерал. И наши, и не наши. Но по легенде я должен любить и американские, и турецкие, и даже болгарские.

Крючков хмуро смотрел на него. Ему, аскетичному и немногословному человеку, не нравилась излишняя разговорчивость его агента. И даже невыбритая правая щека раздражала его, словно в этом была доля личной вины и самого Крюčkова.

Андропов неожиданно обернулся к Трапакову:

– Вы свободны, – сказал он подполковнику. И, дождавшись, пока тот выйдет, тяжело вздохнул и сказал: – У вас будет совсем другая жизнь, Кемаль. И, наверное, первое время это будет интересно и даже романтично. Вы очень молоды. Но по легенде вам и должно быть двадцать шесть лет. Первые годы кажутся самыми перспективными. А потом часто бывает разочарование, некоторые не выдерживают такого давления. И если вы обнаружите, что просто не можете больше приносить пользу, лучше честно об этом скажите. Мы всегда здесь верно оценим вашу искренность.

– Понимаю, товарищ генерал.

– О матери не беспокойтесь, – Андропов не только читал, но и помнил все его досье, – мы позаботимся. Что вы ей сказали?

– Объяснил, что должен уехать надолго. На несколько лет. Просил ее не волноваться, – как можно спокойнее ответил он.

– Правильно. Что ж, – Андропов встал. Быстро вскочил Крючков. Поднялся со стула Кемаль Аслан.

Андропов протянул ему руку.

– Счастливого пути.

Рука председателя КГБ была сухая и холодная. Он осторожно пожал руку и сдержанно поблагодарил.

Андропов повернулся и вышел, не сказав больше ни слова. Крючков, как и его шеф, не терпевший лишней эмоций, только кивнул на прощание. Его люди еще успеют попрощаться с нелегалом и за него, и за себя.

Когда они вышли на улицу, дождь уже прекратился. Было сыкотно и грязно. У автомобилей стояли сотрудники Первого главного управления.

Андропов пошел к машине, коротко бросив остающимся:

– До свидания.

Крючков поспешил за ним.

Уже в автомобиле, когда он тронулся, Андропов задумчиво произнес:

– Очень молодой.

– Может, приостановим отправку? – не понял его Крючков.

Председатель КГБ покачал головой.

– Пусть едет, – сказал он.

Больше до возвращения в основное здание КГБ он не сказал ничего.

А Кемаль Аслан стоял у окна и смотрел на сиротливо приютившееся невдалеке дерево. Словно пытался запечатлеть этот образ в своей памяти. Впереди был последний день на подмосковной даче. Утром следующего дня началась операция по его переправке.

Часть 1

НАСТОЯЩИЙ ТЕХАСЕЦ

ГЛАВА 1

В этой части Хьюстона всегда бывают пробки. Он с раздражением оглянулся. Разумеется, сзади уже выросла кавалькада машин. «Теперь придется ждать», – расстроено подумал он. Однажды на трассе между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско он попал в такую пробку, что прождать пришлось целых четырнадцать часов. В летнюю жару, под палящим солнцем, без глотка воды. Потом оказалось, что впереди была крупная авария и сильный пожар, из-за чего движение в тот день было остановлено.

Он раздраженно откинулся на спинку своего «Шевроле». Поднял стекла и включил кондиционирование в кабине. Достал небольшой персональный компьютер. В конце концов, столько дел, что можно поработать и в машине. Но эта пробка может не рассосаться до вечера, и тогда он, конечно, опоздает на встречу, чего никак нельзя допускать. Однако выехать отсюда нет абсолютно никакой возможности. И самое печальное, что он забыл свой телефон спутниковой связи в офисе. Торопился и оставил его на столе, решив, что заберет вечером.

Срочных звонков он не ждал, а сама поездка должна была, по его замыслу, занять не более двух часов. Но если так будет продолжаться, он проторчит здесь в два раза больше без всяких надежд на возвращение. И невозможно даже позвонить.

Идущая перед его машиной белая «Хонда» ползет как муравей. Уже дважды впереди нее пролезли другие машины из соседнего ряда. Он свирепо просигналил, разглядев длинную копну светлых волос у водителя, сидевшего за рулем «Хонды». Конечно, женщина, и наверняка феминистка, из тех идиоток, которые стали в последнее время так часто встречаться в Америке. Он снова просигналил. Нет, это переходит всякие границы. Кажется, она вообще впервые села за руль.

Женщина обернулась, очевидно, что-то сказала. На ней были темные очки, но он успел рассмотреть тонкую линию губ, гневно выговаривавших нетерпеливому водителю за его агрессивность. Он взглянул на номер. Обязательно из Луизианы. Эти потомки французов всегда так экзальтированы. Чего можно ожидать от людей, которые хоронят своих покойников под звуки джазового оркестра! Он вдруг поймал себя на мысли, что рассуждает как настоящий техасец. И улыбнулся.

По непонятному капризу богов или судьбы, отразившемся в их географии, два самых необычных, самых экзотических южных штата оказались рядом. И если в Луизиане еще сильно ощущался дух французского наследия, карнавальная атмосфера праздников, традиционные негритянские шествия, а Новый Орлеан переполняли звуки джаза, то в Хьюстоне или в Далласе играли в это время кантри. Там по-прежнему носили широкие техасские шляпы, любили красиво выделанные сапоги и гордились званием «техасец». Традиционно жители того и другого штата не любили друг друга. Техасцы считали своих соседей не совсем серьезными людьми, а жители Луизианы, в свою очередь, относили своих соседей к категории слишком серьезных.

Он снова взглянул на номер впереди идущего автомобиля и, вздохнув, начал работать на компьютере, когда услышал нетерпеливый сигнал стоявшей сзади машины. Подняв голову, он заметил, что «Хонда» стояла уже в нескольких метрах впереди его автомобиля. Все-таки эта проклятая пробка хоть движется. Он посмотрел на часы и передвинул свой автомобиль, сократив расстояние.

Снова посмотрел на дисплей персонального компьютера. «Нужно будет позвонить Роберту», – нахмурившись, подумал он. Иначе потом они могут просто не успеть. Как всегда, Уолт захочет опередить их. Нужно сказать об этом Роберту прямо сейчас. Он привычно пошарил рукой на соседнем сиденье, куда он обычно клал свой спутниковый телефон, и чуть не выругался, вспомнив об оплошности.

Сзади снова нетерпеливо просигналили. Он поднял голову. Кажется, он слишком увлекся. «Хонда» была уже в десяти метрах от него и продолжала медленное движение. Он, не убирая компьютера, дал резкий газ. Его «Шевроле» чуть дернулся и очень плавно врезался в зад идущей впереди машины.

– Проклятье, – рассерженно пробормотал он, открывая дверцу автомобиля.

Из «Хонды» вылезла женщина. Она была довольно высокого роста, в белом костюме, юбка была чуть ниже колен. Она погрозила рукой.

– Чертов ковбой! – прошипела она. – Нужно быть осторожнее и не нервировать людей на трассе каждую минуту.

– Извините, – развел он руками.

– Куда вы смотрели? – показала она на автомобиль. – Кажется, вы ударили мою машину довольно сильно.

– Простите, я задумался. Можете прислать мне счет за ремонт вашего автомобиля. Вот моя визитная карточка. – Он полез во внутренний карман пиджака и достал свою карточку. Она резко махнула рукой.

– Для чего мне ваша карточка? Я сама отремонтирую. В следующий раз будьте внимательны, мистер ковбой.

К ним подошел хозяин автомобиля, стоявшего впереди «Хонды». Это был типичный техасец, в красно-коричневом пиджаке и большой серой шляпе, надвинутой до самых ушей.

– Кажется, у вас проблемы? – спросил он. На другой автомобиль он даже не обращал внимания, словно его вообще не существовало. Очевидно, он не любил гостей из соседнего штата. Техасец наклонился к бамперу и свистнул. – Довольно сильно. Наверное, это она так неумело подала назад?

– По-моему, это ваш друг несколько сильно нажал на газ, – саркастически заметила женщина и, не удержавшись, спросила: – Или вы считаете, что техасцы не могут совершать аварии? Просто этот парень спутал скаковую лошадь на родео с автомобилем.

Техасец побагровел и открыл рот, собираясь сказать какую-нибудь гадость, когда услышал оглушительный хохот своего союзника. Он растерянно оглянулся и, обнаружив, что громко смеется именно владелец автомобиля, по адресу которого прошла эта нахальная женщина, побагровел еще больше и, повернувшись, полный достоинства, вернулся к своему автомобилю.

Женщина протянула руку.

– Похоже, вы спасли меня от этого типа. Сандра, – представилась она.

– Кемаль, – кивнул он, протягивая в ответ свою руку и отвечая на ее чисто мужское пожатие.

– Красивое имя. Не знала, что такое существует. Вы, очевидно, не техасец?

– По рождению я коренной американец. Но мои родители были турецкого происхождения.

– Тогда понятно. А где вы родились?

– В Филадельфии.

– Северянин, – улыбнулась женщина, – поэтому вы можете себе позволить хохотать, когда ваш автомобиль сравнивают с лошадью на родео. Настоящий техасец в лучшем случае просто нечаянно ударил бы мой автомобиль во второй раз.

– В таком случае я не настоящий техасец.

Женщина улыбнулась еще раз и сняла очки. Глаза у нее были вишневые, с каким-то озорным блеском, но вместе с тем очень внимательные. Над переносицей пролегла упрямая складка. Маленький прямой нос, узкие скулы, тонкие прямые губы.

– Это я поняла, – сказала Сандра, – как вы думаете, долго мы будем здесь стоять?

– Понятия не имею. Я не думал, что могу попасть в подобную ситуацию. Даже не взял с собой телефон. А мне срочно нужно позвонить.

– У меня телефон в автомобиле, – кивнула женщина, – вы можете позвонить оттуда.

– Я предупрежу оператора, что разговор оплатит принимающая сторона, – обрадованно кивнул он, – иначе просто неудобно. Я и так разбил вашу новую машину.

– Какие пустяки. Теперь я вижу, что в вас действительно есть восточная кровь. Вы всегда так галантны? – спросила она и, не дождавшись ответа, прошла к своей машине. Он прошел за ней, принял телефон, благодарно кивнув, и быстро набрал номер. Ему сразу ответили:

– Слушаем вас.

– Простите, – сказал он, – это говорит Кемаль. Я немного задерживаюсь, попал в автомобильную пробку. Возможно, приеду чуть позже.

– Ничего, – успокоили его, – мы вас будем ждать.

– Спасибо. – Он отключился.

Вернул телефон.

– Спасибо, Сандра, вы меня очень выручили.

Женщина кивнула в ответ, и в этот момент раздался звонок. Она включила телефон.

– Алло. – Лицо у нее изменилось почти мгновенно. Теперь это была очень строгая маска деловой женщины. – Да, – сказала она, снова изменившись. Теперь это было обычное лицо красивой и зрелой женщины. – Нет, Лу, – требовательно и вместе с тем нежно сказала Сандра, – ты ведь понимаешь мои мотивы... Нет, я бы не хотела, чтобы ты уезжала вместе с ним. Я думаю, ты меня понимаешь. Ты просила совет, я тебе его дала. Но ты вольна поступать как знаешь... Да, я позвоню из дома, когда приеду. До свидания.

Она отключилась.

– С детьми всегда проблемы, мистер Кемаль, – она взглянула на часы, – кажется, я попаду домой только завтра.

– Вам далеко ехать?

– В Батон-Руж⁶.

– Далекое, – удивился он, – я думал, вам до границы штата или в Лейк-Чарльз. А так вам действительно придется ехать весь день.

– Знаю, – огорченно произнесла Сандра, – я выехала рано утром. У моих друзей во Флоренсвилле есть ранчо, где мы отдыхали с дочерью. Но неожиданно возникли срочные проблемы, и мне пришлось выехать сегодня рано утром.

– Вы выехали из Флоренсвилля? – еще больше удивился он.

– Не удивляйтесь. Я люблю сидеть за рулем. Можно успокоиться и о многом подумать. Кроме того, я не могла воспользоваться самолетом. Кто-то ведь все равно должен будет потом перегнать мой автомобиль. У Лу есть своя машина. Поэтому я решила доехать одна.

– Вы выносливый человек, Сандра, – восхищенно сказал Кемаль, – я еду в Бейтаун, это совсем рядом, пятнадцать минут езды, и то схожу с ума от этой пробки.

– Кажется, впереди машины тронулись.

– Вот моя визитная карточка, – сунул ей в руку свою карточку Кемаль, – все-таки я бы хотел сам оплатить ремонт. В конце концов, виноват только я.

– Ничего, – рассмеялась женщина, – но раз вы так настаиваете, я дам вам свою визитную карточку. – Она шелкнула замком сумочки, доставая карточку. Передала ее Кемалю и,

⁶ Батон-Руж – административная столица штата Луизиана. Здесь и далее идут названия городов Техаса и Луизианы.

уже открывая дверцу автомобиля, добавила:– Вы действительно нетипичный техасец, мистер Кемаль.

Сзади уже нетерпеливо сигналили автомобили. Он положил карточку в карман и побежал к машине. На этот раз все обошлось. Уже минут через десять ему удалось выехать на мост, где дорога уходила на Бейтаун, и он, просигналив женщине в знак прощания, свернул направо.

К зданию фирмы, которая ему была нужна, он подъехал, все-таки немного опоздав. В приемной сидела долговязая девица с большими очками на носу и что-то быстро набирала на компьютере. Увидев его, она усмехнулась.

– Мистер Кемаль, здравствуйте. Опять проблемы с кем-то из ваших служащих?

– Вы же все знаете, – сделал приветливое лицо Кемаль, – наш Мегрэ у себя?

Девица хихикнула:

– У себя. А кто такой этот Мегрэ?

– Ужас, – притворно вздохнул Кемаль, – работаете в сыскном агентстве и не знаете самого великого сыщика всех времен и народов.

– Он, конечно, из Луизианы? – противным голосом спросила девица, снимая очки. – Фамилия у него французская.

– Какая блестящая логика, – изумился Кемаль, – как вы смогли узнать? Конечно, из Луизианы. Причем из самого гадкого квартала Нового Орлеана. Bravo! Мой друг Том не зря держит у себя такого прозорливого сотрудника.

«Вот дура», – разочарованно подумал он, шагнув в кабинет. За столом сидел Том Лоренсберг. Это был руководитель частного сыскного агентства. И по совместительству связной Кемалья с руководством его разведки. Это было идеальное прикрытие. Агентство Лоренсберга действительно выполняло деликатные поручения крупной фирмы, генеральным директором которой был Кемаль. Оно специализировалось в области технологических экспертиз, которые поручали проверять независимым экспертам и детективам, устанавливающим добросовестность проводимых мероприятий. Официальные и вместе с тем несколько конфиденциальные темы их отношений позволяли Кемалю встречаться с Томом по мере необходимости, передавая нужную информацию.

– Как у вас дела, мистер Кемаль? – громко спросил Том, когда они уселись за стол.

– Спасибо, хорошо. – По условиям игры отвечать нужно было спокойно и громко. Чтобы было достаточно хорошо слышно и в приемной. И даже для тех, кто хотел бы услышать содержание их разговора.

– Опять какие-нибудь проблемы? – спросил Том.

– Нас несколько волнует этот контракт с мексиканцами. По моему мнению, это не совсем надежная фирма, мистер Лоренсберг. Думаю, вам следовало бы проверить их финансовые возможности. Что-то мешает мне поверить в их устойчивость.

– Вы принесли документы?

– Да, конечно, – он протянул документы. Они были составлены с таким расчетом, что среди тридцати листков, через каждые три было начало или конец фразы. Нужно было только искать по известному лишь им двоим шифру. Том быстро прочел его сообщение, согласно кивнул и, подчеркнув одно слово и одну цифру, вернул документ Кемалю. Это было единственное слово «Когда?» и ответ на этот вопрос, выразившийся в цифре «семь», которую обвел Том.

– Думаю, мы должны уложиться в недельный срок, – словно попросил Тома его собеседник, принимая жесткие сроки, поставленные его руководством.

Лоренсберг согласно кивнул.

– Да, я думаю, недели вполне достаточно.

Все последующие несколько фраз были лишь отвлекающим маневром для этого разговора. Кемаль понял, что ему дают всего лишь неделю на выполнение столь сложного задания. Само задание в прошлый раз ему вручил Том, и теперь, когда Кемаль ответил, что может при-

ступить к его выполнению, ему дали лишь неделю на точный анализ поставок необходимых компонентов к деталям радиоуправляемых снарядов. Сами компоненты были программами ЭВМ, с помощью которых можно было управлять с земли движением подобных ракет.

«У них очередная спешка, – со злостью подумал Кемаль, – почему именно недельный срок? Я ведь им писал, что в ближайший месяц все решится. В последние годы они совсем с ума посходили. Иногда выставляют такие требования, что остается только гадать – в чем тайный смысл их нелепых желаний. Разве можно ставить агенту срок, когда именно он должен добраться до нужных ему документов? А если на это уйдет не неделя, а месяц, год? Значит, тогда эти материалы уже не нужны? Как все это глупо», – раздраженно думал он, возвращаясь домой, в Хьюстон.

С другой стороны, очевидно, у них есть серьезные проблемы, если они просят узнать про эти управляемые снаряды и дать информацию в течение недели. Любую информацию, какая у него будет на тот момент. Значит, они как-то связаны со временем. Интересно, каким образом?

Он взглянул на часы. Наверное, его знакомая сейчас пересекает у Оринджа границу штата Техас. Он много раз ездил этой дорогой и четко помнил мост над рекой Сабин, который приходилось проезжать, чтобы попасть в бывшую французскую колонию. Он вспомнил про визитную карточку и достал ее из кармана. Прочитал запись и вдруг резко изо всех сил нажал на тормоза, пытаясь осмыслить случившееся. «Сандра Лурье – вице-губернатор штата Луизиана» – было написано на визитной карточке.

ГЛАВА 2

Утренние пробежки стали для него почти обязательным ритуалом. Но теперь, когда они переехали в центр Хьюстона и поселились в фешенебельных апартаментах на четырнадцатом этаже, ему приходилось довольствоваться велотренажером. Из спальни жены послышалось недовольное ворчание. Он чуть поморщился. Безусловно, Марта красивая женщина, но с годами их брак начинает напоминать просто тюремное заключение на двоих.

Они были женаты уже пять лет. И оба понимали, как важен этот брак для них обоих. Благодаря своей удачной женитьбе Кемаль Аслан сумел войти в семью Саймингтонов, тexasских нефтяных королей, а те, в свою очередь, получили в распоряжение корпорацию умершего дяди Кемалья – Юсефа Аббаса, позволившую им напрямую завязать контакты с многочисленными клиентами последнего на Ближнем Востоке. Брак был во многом почти династическим, и это определило их отношения. Супруги никогда особенно не любили друг друга, но при наличии некоторых уступок могли сосуществовать вместе вот уже пять лет.

Единственным положительным результатом этого брака для обоих был трехлетний сын Марк, названный так в честь умершего дедушки Марты. И это была очень веская причина, заставлявшая Кемалья по-прежнему сосуществовать с нелюбимой женщиной.

По утрам он обычно не завтракал. Только чашка чая, столь нелюбимого Мартой. Она по-прежнему пила «капучино», который готовила для нее специально по утрам приходившая в дом кухарка. Кроме нее в доме всегда были няня и горничная, и Кемаль, привыкший к тишине, чувствовал себя почти как в гостинице. Они ему просто не нравились, ему здесь было неприятно. Во время сильных ветров ему казалось, что их строение может просто рухнуть. Он, выросший в капитальных каменных домах, не любил и не принимал этого нагромождения бетона и стекла.

В свои тридцать шесть лет Кемаль выглядел замечательно. Это был стройный, высокий, красивый мужчина с всегда коротко остриженными волосами. Несмотря на уже начавшие сесть виски и резкие черты лица, словно вырубленные из камня, он сохранял мужскую привлекательность, очаровывая женщин. Глаза у него были какого-то непонятного, стального цвета. С годами начало портиться зрение, и он стал носить очки, предпочитая фирму «Валентино», столь полно отражавшую и его стиль одежды. Аристократический, элегантный и вместе с тем подчеркнуто деловой, без лишних вычурностей и деталей.

Выпив чай и довольно быстро одевшись, он спустился на лифте в гараж и, взяв другую машину вместо разбитого три дня назад «Шевроле», выехал на улицу. Поднял трубку телефона, чтобы позвонить жене.

«Надеюсь, она наконец проснулась», – подумал он. Она ответила только после десятого звонка, хотя телефон находился рядом с ней.

– Слушаю, – послышался ее заспанный голос. Она была ярко выраженной совой и не любила вставать по утрам. В отличие от Кемалья, который был жаворонком и предпочитал рано ложиться и рано вставать. Но здесь, очевидно, сказывалась разница во времени. Он сумел приспособиться к американскому графику времени, лишь существенно сдвинув собственную шкалу личного времени. И по европейским временным поясам он ложился спать даже позже обычного, в четыре-пять утра, а по американским стандартам для бизнесменов был правилом сон с десяти вечера до шести утра.

– Марта, – попросил он, не пожелав ей доброго утра, – сегодня вечером мы должны быть у Каррингтона. Он нас приглашал на свадьбу своей дочери. Надеюсь, ты не забыла?

– Нет, – хрипло ответила жена. Она все еще не пришла в себя.

– Когда мне за тобой заехать? – терпеливо спросил он.

– В шесть. – Она отключилась, не сказав ему «до свидания». Он раздраженно бросил телефон на сиденье. Если бы не Марк, он плюнул бы даже на миллионы ее отца. В некоторые моменты он даже забывал, что женился для легализации своего положения в этой стране. Жизнь с нелюбимой женщиной была самым страшным испытанием, почти пыткой, иногда мешавшей и его основной деятельности. Может, каждый мужчина, думал он с горьким юмором, чувствует себя в подобной роли, как и он, почти разведчиком, попавшим в среду чужих для выполнения опасного задания. Эти мысли позволяли относиться с некоторой долей юмора и к собственным семейным скандалам, столь часто повторявшимся в последнее время.

На работу он приехал как обычно – ровно в восемь утра. Секретарь положила на стол список сегодняшних дел. Среди них была дневная встреча с Ронни Седлером. Он нахмурился. Если бы Москва не требовала этих данных так срочно, он никогда не пошел бы на подобный риск. Но теперь придется рисковать. Документы ему очень нужны, а сукин сын Ронни, кажется, единственный, кто может помочь ему в этом. Придется договариваться с этим типом. И он заранее знает, как дорого будет стоить подобная встреча. Однако, кроме Седлера, никто ему не сможет помочь.

Весь день на работе он помнил о встрече, пытаясь сохранить энергию на этот сложный разговор. Даже когда все сотрудники вышли на традиционный ленч, он остался в кабинете, перебирая ненужные ему в данный момент бумаги. Он не хотел признаваться даже самому себе в том, что предстоящий разговор его волновал. Очень волновал. И он не видел другого выхода, кроме прямого предложения Ронни Седлеру.

Ровно в три часа секретарь доложила, что в приемной его ждет мистер Седлер. Кемаль поправил узел галстука и, сделав максимально приветливое лицо, возможное в данном случае, разрешил гостю пройти в кабинет.

Едва Ронни переступил порог, как он понял, что устоявшееся представление об этом типе почти соответствует действительности.

Гость был одет в серые брюки и пиджак ярко-желтого, канареечного цвета. Его лицо с полными, чувственными губами, немного выпученные глаза и жесткие короткие волосы выдавали присутствие африканской крови. Что не мешало Седлеру презирать всех темнокожих и даже состоять в нескольких полурасистских организациях. На левой руке у него болтался браслет. На ногах были дорогие ботинки фирмы «Тамберленд», никак не вязавшиеся с его видом, но призванные показать консервативный дух патриотизма этого лжетехасца. На голове, конечно, была шляпа, которую он не снял, даже войдя в кабинет.

– Мистер Кемаль, – улыбнулся уголками рта Седлер, – я много о вас слышал.

Хозяину кабинета пришлось встать и даже пожать протянутую для приветствия руку. Ладонь у Ронни была, конечно, потной, и от этого общее впечатление неприятия гостя усиливалось.

– Я давно хотел с вами встретиться, мистер Седлер, – холодно сказал Кемаль, – мне много о вас рассказывали мои друзья.

– Это слухи, – осторожно заметил Седлер. Он не знал, что именно о нем рассказывали, но, как многоопытный аферист, понимал, как мало хорошего о нем могли сказать знавшие его люди. – Они не всегда соответствуют действительности.

– Я думаю, в Техасе вы человек достаточно известный, – с неуловимой иронией заметил Кемаль, – поэтому и решил обратиться именно к вам.

– Мистер Кемаль, – сразу ответил гость, – я человек дела. Меня вызывают и говорят: «Ронни, нужно помочь». И я всегда помогаю людям, всегда прихожу к ним на помощь. Мне приятно, что вы так говорите, но я хотел бы узнать, чем именно могу помочь такой крупной корпорации, как ваша.

Кемаль задумался. Теперь он должен войти в клетку льва. И никаких других вариантов не существует. Но он уже открыл клетку, значит, нужно входить.

– Нас интересуют акции компании «Юникл», – осторожно начал хозяин кабинета. Гость сразу насторожился. – Мы хотели бы вложить часть денег в эту компанию, но пока не имеем представления о ее возможностях.

Седлер понимающе кивнул.

– Мы хотели бы ближе познакомиться с этой компанией, – также осторожно закончил Кемаль, – и думаем, что вы тот человек, который может нам помочь.

– Понимаю, – сразу ответил гость, – но могу ли я предполагать, что под вашим словом «мы» скрывается и ваш тесть – мистер Саймингтон?

– Вы и это знаете?

– Мистер Кемаль, – этот мерзавец все-таки снял шляпу, – я знаю обо всех известных людях города и штата. И все знают Ронни Седлера. Иначе нельзя – такая конкуренция.

– В данном случае «мы» – это только моя компания, – быстро ответил Кемаль, – мистер Саймингтон не имеет к нашему проекту никакого отношения.

– За исключением того, что он дед вашего сына, – улыбнулся, показывая крупные редкие зубы, Ронни Седлер.

– Да, за исключением этого обстоятельства. Вас интересуют еще какие-нибудь вопросы по мистеру Саймингтону? Или вы хотите говорить о моей фирме? – спросил он.

– Больше никаких вопросов, – развел руками Ронни. Шляпу свою он положил прямо на стол. – Что вас конкретно интересует?

– Их наиболее крупный завод в Далласе. На этом предприятии, собственно, и держится вся их фирма. Мне нужно знать все об этом заводе.

– Обратитесь в их рекламную службу, и они с удовольствием выдадут вам всю имеющуюся у них информацию, – удивился Седлер, – или вам нужна дополнительная информация?

«В этой клетке воняет, но ничего другого у меня нет», – подумал хозяин кабинета.

– Мне нужна информация о его военных заказах. Чтобы оценить степень надежности и рентабельности завода. Мне нужны все данные о его предполагаемых поставках в этом году.

– Вам нужны данные о ракетных двигателях? – чуть понизив голос, уточнил Ронни. – Но они засекречены.

Кемаль молча смотрел на него. Видимо, в его взгляде гость прочел нечто такое, после чего он смог выдать:

– Это будет стоить очень дорого.

Хозяин кабинета по-прежнему молча смотрел на него. Кроме вопроса, Ронни чувствовал в глазах и откровенное презрение, а это его довольно сильно обижало.

– Пентагон обычно не любит, когда лезут в его секреты, – пробормотал Седлер.

– Сколько? – вместо дискуссии спросил Кемаль.

– Сто тысяч долларов. Наличными. Половину завтра, – не задумываясь ответил Ронни, – если согласны.

– Сегодня, – ответил хозяин и, достав из ящика стола пять пачек, положил их на стол, – сегодня, мистер Седлер. – Ошеломленный гость смотрел на деньги.

– Когда вам нужна информация? – спросил он.

– Три дня. У вас максимальный срок всего три дня.

– Мы не успеем, – задумался Седлер, – вам нужна информация или документация?

– Вы думаете, мы заплатим такую сумму денег за ваши слова без документов? – спросил, в свою очередь, Кемаль.

– За три дня нереально. – Ронни облизнул губы. Его нервировали пачки денег, лежащие на столе рядом с ним.

Кемаль взял пачки в обе руки.

– До свидания, – сухо сказал он, – мы не договорились, мистер Седлер.

– Подождите, – почти страдальческим тоном крикнул гость, – я постараюсь успеть за три дня. Какие именно заказы вас волнуют?

– Основные. О которых вы говорили.

– Понимаю. Вам нужны не только данные по заказам, но, очевидно, и возможности дальнейших заказов?

– Не только. Нам нужна их документация.

– Зачем? – изумился Ронни. – При чем тут документация? Чтобы оценить степень перспективности предприятия, вовсе не обязательно вникать в технологию существующих там процессов. Достаточно ознакомиться с их финансовым отчетом.

– Это вам достаточно, мистер Седлер, – покачал головой Кемаль, – а наша компания не ведет дел таким образом. Мы должны изучить технологию производства, чтобы убедиться в гарантиях на будущее. Может, они там по заказу Пентагона готовят кастрюли для сержантов. У нас иначе нельзя.

– Мы будем иметь крупные неприятности с ФБР и Пентагоном, – пробормотал Ронни.

– Это ваши проблемы, мистер Седлер. Если не беретесь...

– Подождите, – нервно произнес гость, – но для чего вам их документация?

– Дважды объяснять я не могу. Слишком долго.

– Если бы я не знал вашего дядю, – пробормотал Ронни, – и не знал бы вас и вашего тестя, я бы решил, что вы французский шпион.

Впервые за время разговора хозяин кабинета чуть заметно улыбнулся. Взглянул на своего гостя и спросил:

– Почему французский?

– Я думал, вы спросите – почему шпион?

– Это я догадался. Из-за военных заказов. Но почему именно французский? У меня нет родственников-французов.

– Этих «лягушатников» полно в соседнем штате. И потом, я слышал, что они хотели заказать эти двигатели вместе с Пентагоном. Поэтому я и мог подумать, что вы именно французский. Но, зная вашу семью и семью вашей супруги столько лет... – Он развел руками. – Вам действительно нужна вся документация?

– Нужна, – подтвердил он, – когда вы сможете мне ее передать?

– Через три-четыре дня, – пожал плечами Ронни, – придется поработать. Вы разрешите? – показал он на деньги. Кемаль Аслан кивнул. Гость сгреб все пачки и рассовал их по карманам пиджака. Взял шляпу.

– Думаю, мы договорились, – сказал он, снова протягивая свою потную ладонь.

«Грязный мерзавец», – с отвращением подумал Кемаль, но руку пожал во второй раз.

Гость вышел. На полированной крышке стола остался липкий полукруг от его шляпы. Кемаль вызвал секретаря.

– Уберите тут, – брезгливо сказал он, показывая на это жирное, липкое пятно.

Секретарь поспешила за тряпкой.

А вышедший из здания фирмы Ронни нащупал в своем кармане небольшой микрофон и отключил запись. Затем, найдя первую попавшуюся кабину телефона-автомата, подошел к ней и, опустив двадцать пять центов, позвонил.

– Дик, это я, – сказал он довольным голосом, – получил неплохой заказ. Нет, не шучу. Теперь этот ничтожный турок у меня в руках.

Он и не подозревал, что в соседней кабине стоит частный детектив, нанятый Кемалем Асланом, который слышит каждое его слово.

ГЛАВА 3

Вилла Джеймса Каррингтона, давнего друга и компаньона отца Марты, была расположена в тридцати километрах от Хьюстона, немного южнее Пасадины, почти на самом побережье. Добираться туда нужно было около получаса, и Кемаль заехал за Мартой ровно в шесть часов. Как он и предполагал, она не была готова.

Полчаса Марта перебирала платья, из которых ей нужно было выбрать одно. Еще полчаса она надевала это платье. Сцепив зубы от бессильного гнева, он довольно долго сидел на диване, после чего отправился переодеваться. Наконец Марта вышла к нему в длинном серебристом платье, до самых пят. За это время он успел надеть необходимый смокинг и, уже нетерпеливо постукивая каблуками лакированных туфель, ждал ее у дверей.

Она не спросила, понравился ли мужу ее выбор, а он не стал ничего говорить. Просто демонстративно посмотрел на часы и пошел за женой. В лифте она все-таки поинтересовалась:

– На какой машине поедem?

– Я возьму твой седан. Дай мне ключи, – предложил он, – тебе будет трудно вести машину в этом платье.

– Ничего, – ответила она, поворачиваясь к нему спиной, – я поведу сама.

За пять лет он понял, что спорить с ней бесполезно. Он равнодушно пожал плечами и тоже отвернулся.

Они выехали из города только в восьмом часу вечера. Несмотря на начало ноября, в Техасе стояла удручающая жара, и многие старожилы помнили, как долго держалась летняя погода в этом странном восемьдесят втором году.

На трассе она обычно ездила довольно быстро. Вот и в этот раз огоньки спидометра начали увеличиваться.

– Осторожнее, – нарушил молчание Кемаль, – впереди будет поворот.

– Знаю, – раздраженно ответила она, – я здесь тридцать лет проезжаю, а ты только начал ездить.

Она все время намекала на его неместное происхождение, словно это была часть вины самого Кемалья за ее неустроенную личную жизнь.

– Твой отец будет волноваться, – вместо ответа сказал он, снова посмотрев на часы, – я обещал, что мы приедем к семи. Ты ведь знаешь, он не любит, когда ты садишься за руль.

– Ничего, перетерпит.

– Опять у тебя такое собачье настроение, – не выдержал наконец Кемаль. – Что случилось?

– Ничего не случилось. Ты сидел дома с таким видом, словно я виновата перед тобой. А мне нужно было выбрать платье. Ты даже не посмотрел на меня, когда я его надела.

– Следи за дорогой, – посоветовал Кемаль.

– Вот это все, что ты мне можешь сказать. Следи за дорогой, мы опаздываем, ешь меньше сладкого, отец будет волноваться. Хватит. Надоело. Нам нужно разводиться, Кемаль. Эта жизнь только губит нас обоих.

– Хорошо, – мрачно согласился он, – вернемся ночью домой и решим. А сейчас следи за дорогой.

Она нажала на тормоза, съезжая с трассы.

– Мы можем один раз в жизни поговорить спокойно? – спросила Марта. – Почему ты так ко мне относишься, Кемаль? Что я тебе сделала?

– Мы опаздываем, – терпеливо сказал он, – уже и так половина восьмого.

– А я вообще не хочу туда ехать, – зло огрызнулась Марта, – видеть эти рожи. Не хочу, и все. Можешь ехать один, если тебе так нужен мой папочка. Чтобы он не волновался. А я поеду домой. Лучше посижу с Марком, чем с этими толстомордыми кретинами.

– Хорошо. – Он вышел из автомобиля, захватив пакет с подарками. – Можешь возвращаться.

Она посмотрела на него, очевидно, намереваясь что-то сказать. Затем передумала и, дав газ, стремительно рванула автомобиль с места. Он проводил машину долгим взглядом и зашагал по дороге.

«Хорошо разведчику без жены, – подумал он невольно, – никаких проблем. Это только в кино шпионы спят со всеми подряд и не женятся десятилетиями. В жизни все бывает сложнее. Хочешь закрепиться – обязательно должен жениться». Иногда его предыдущая жизнь казалась ему сном, каким-то нереальным сновидением, случившимся в молодости. Он уехал из страны в конце семьдесят четвертого. Прошло уже восемь лет. За эти годы ему удалось закрепиться в стране, восстановить американское гражданство, стать почти своим в столь сложном и амбициозном штате, как Техас, и даже сделать успешную карьеру.

Вдали показались огни автомобиля. Он поднял руку. Подъехавший старый, помятый серо-голубой «Форд» затормозил рядом с ним. За рулем сидел пожилой техасец лет шестидесяти.

– Куда едешь? – спросил он вместо приветствия.

Кемаль показал рукой вперед.

– Садись, – кивнул техасец. Он оценил молчание своего будущего попутчика. Здесь не любили болтунов.

До Пасадины они доехали в полном молчании. Старик не спрашивал, откуда взялся на трассе его спутник, почему он шел пешком, где была его машина. Это было просто не его дело. Только в самом городе он наконец разжал губы и спросил:

– Куда дальше?

– Сойду в центре, – ответил Кемаль, и техасец, одобрительно кивнув, развернул машину в сторону центра. У здания мэрии он остановился.

– Спасибо, – вышел из автомобиля Кемаль. Техасец кивнул на прощание, не сказав больше ни слова, и отъехал. Еще минут пять пришлось ждать такси, пока наконец он не вошел в один из небольших магазинчиков и не вызвал машину по телефону. Уже поднимался ветер, когда приехало такси и он, уставший и голодный, отправился на виллу Каррингтона.

Подъехав к вилле, он заметил на площадке в глубине парка автомобиль своей супруги и громко выругался. Испуганный темнокожий водитель обернулся к нему:

– Что-нибудь не так, сэр?

– Все в порядке. – Он заплатил по счетчику, добавив щедрые чаевые.

Со стороны дома раздавались веселые крики. К нему спешили сам хозяин дома Джеймс Каррингтон и его тесть Роберт Саймингтон. Каррингтон был высоким красивым мужчиной с густой, сплошь седой шевелюрой и резкими морщинами, пересекавшими все лицо. Саймингтон, напротив, был чуть ниже ростом, почти лысый, с вечно лоснящимся от пота лицом.

– Мистер Каррингтон, я вас поздравляю, – постарался придать своему голосу как можно больше радушия Кемаль.

– Спасибо, Марта уже приехала, сказала, что ты задерживаешься на работе, – протянул руку Каррингтон.

От волнения Кемаль, кажется, пожал руку хозяину чуть сильнее, чем было нужно. Каррингтон в удивлении уставился на него, но ничего не сказал, быстро вернулся к гостям. Саймингтон протянул свою руку.

– Опять поцапались с Мартой, – понимающе кивнул он.

– Опять, – подтвердил зять, – она высадила меня на трассе, сказав, что возвращается домой. А сама приехала сюда.

– Просто бесится, – вздохнул тесть. – Как у нас дела в Эр-Рияде?

– Я отправил человека. Кажется, они согласятся на подписание документов. Но мне нужно будет туда вылететь.

– Разумеется. Твои способности, Кемаль, там очень пригодятся. Но идем к гостям. Сегодня там веселятся. Старайся больше не обращать на Марту никакого внимания. Я ее знаю, она в таком случае быстро успокаивается.

Они пошли к гостям, собравшимся вокруг большого бассейна. Звучала музыка, некоторые пары танцевали. Марта сидела за столиком с двумя женщинами, среди которых он узнал и хозяйку дома.

– Ты уже приехал? – невинным голосом спросила жена.

– Кажется, да. – Он, не глядя на нее, поцеловал руку миссис Каррингтон и прошел к бассейну.

Молодежь веселилась особенно бурно. Он поймал себя на мысли, что впервые не относит себя к этой категории лиц. Все правильно. Тридцать шесть лет – это слишком много. Он разглядел в глубине парка стоявшую у небольшого дерева высокую женщину в голубом платье. Ее волосы были красиво уложены. Подойдя к столику, он взял два бокала с шампанским и поспешил к женщине. Та смотрела куда-то вдаль, видимо, погруженная в свои мысли.

– Миссис Лурье? – громко спросил он, улыбаясь.

Женщина повернула голову.

– Мистер Кемаль, – вспомнила она, – вот не ожидала вас встретить. Я бы могла вас не узнать.

– А я вас сразу узнал, – сказал он, протягивая ей бокал шампанского.

Она приняла с благодарностью.

– Вы совсем другой в смокинге, – произнесла она, улыбаясь, – он вам явно идет.

– Ну, вы тоже несколько отличаетесь от той женщины, которая так громко ругалась на трассе.

Они улыбнулись друг другу, подняли бокалы и каждый сделал несколько глотков.

Женщина не была красивой. Но уверенность в ее взгляде, горделивая осанка, стройные линии ее спортивного тела действовали на него притягивающе. И он это сознавал. А может, на него просто действовала магия ее должности? Или это был подсознательно заданный уровень разведчика, при котором знакомство с государственным деятелем такого ранга было осознанной необходимостью. Он вдруг с испугом подумал, что не знает, где кончается уровень его подсознания и начинается эмоциональная сфера, не подконтрольная его разуму.

– Вы о чем-то задумались? – спросила женщина.

– О вас, – признался он неожиданно для самого себя.

– Да, – она не удивилась, – и что именно вас интригует?

– Ваша работа. Не представляю себе вице-губернатором такого огромного штата, как Луизиана, очаровательную женщину. Видимо, у меня недостает фантазии.

– Это не очень сложно. Можете приехать в Батон-Руж и все увидеть собственными глазами.

– Я, наверное, так и сделаю.

Она взглянула на него чуть удивленно, но не стала развивать дальше эту тему.

– Вы компаньон Каррингтона? Или вы его друг? – спросила она.

– Ни то и ни другое. Мой тесть – его компаньон. Может, вы слышали, Роберт Саймингтон?

Она посмотрела на него более внимательно: кажется, на этот раз она удивилась сильнее обычного.

– Вы зять Саймингтона?

– Да, хотя этого нет на моей визитной карточке. Но в Техасе довольно хорошо знают эту семью.

Она не улыбнулась его намеку. Только сжала недовольно губы и спросила:

– Так вы муж Марты?

– Вы знаете мою жену? – Теперь настала его очередь удивляться.

– Мы учились вместе с ней в колледже, – кивнула миссис Лурье, – у нее должны быть наши фотографии. Может, она вам их показывала? Я Сандра Мерсье.

Он вспомнил, что слышал такое имя от Марты. И медленно кивнул.

– Кажется, я слышал вашу фамилию. Но почему Лурье?

– Это фамилия моего покойного мужа.

– Покойного? – слишком быстро вырвалось у него.

– Он погиб два года назад в Майами. Не справился с управлением вертолета, не сумев посадить его на площадку. Прямо у нас с дочерью на глазах, – достаточно спокойно сказала она.

– Извините.

– Ничего, – глаза у нее были сухие.

Они замолчали.

– Когда я могу приехать в Батон-Руж? – вдруг спросил Кемаль.

– Вы считаете, это нужно? – спросила она.

– Да, – на этот раз он ответил достаточно твердо.

– Когда вам будет удобно.

– Завтра.

– У вас нет завтра других дел?

– У меня их завтра не будет.

– Марта была моей подругой, – предостерегающе сказала женщина.

– Это что-то меняет? – спросил он, глядя ей в глаза. Бокал шампанского в руках вдруг стал очень тяжелым.

– Не знаю, – кажется, впервые за время разговора немного растерялась она.

Внезапно из дома раздались какие-то крики, послышались оживленные голоса.

– По-моему, нам нужно вернуться, – сказала женщина, уже не глядя на него.

Не дожидаясь ответа, она пошла к дому. Он, швырнув свой бокал в сторону, остался у дерева. Иногда ему хотелось бросить все и куда-нибудь уехать. Далеко-далеко. Словно пытаясь убежать от своей нынешней жизни. И от прошлой тоже. Туда, в прошлую жизнь, его почти не тянуло. В первые годы было, конечно, трудно, но потом он как-то привык, втянулся в свою роль, и временами она ему даже нравилась.

А может, во всем была виновата Марта, сделавшая его личную жизнь такой невыносимой пыткой и отравлявшая его существование самим фактом своего присутствия. Он твердо решил, что обязательно разведется с Мартой уже в наступавшем году. Конечно, деловое партнерство с Робертом Саймингтоном – вещь полезная и даже необходимая, но терпеть его дочь уже просто невозможно. Они слишком разные, так считала сама Марта. Если бы она знала, как она права. Они действительно очень разные, и здесь уже ничего не поделаешь.

Он был уже вторым мужем Марты. Первый сбежал через полтора года после женитьбы. Когда они поженились, Марте было уже за тридцать, но благодаря массажным салонам и искусной косметике ей удавалось сохранять подтянутую фигуру подростка и почти детское выражение лица. Лишь позднее он понял, что упрямство и каприз, обычные для подростков, стали постоянными составляющими ее характера. Но понял слишком поздно, после рождения Марка.

Во всей этой глупой истории с женой жалко только одного человека – маленького Марка, который уже научился говорить свои первые слова и часто не понимает, почему ссорятся два

самых близких существа, заполняющих почти всю его вселенную. Впрочем, в случае развода нужно будет оговорить и этот пункт. Он должен иметь право на свидания с ребенком. Но, с другой стороны, зная вздорный характер супруги, он не сомневался, что она постарается лишить его этой возможности, чтобы сделать ему как можно больнее. Она знала, как он относится к сыну. Но даже при этом варианте ему придется с ней разводиться.

«Как странно, – подумал он, – ведь Сандра должна быть такого же возраста, как и Марта. А такое ощущение, что между ними вечность». Или это ему так кажется? Уверенная, собранная, внимательная Сандра и вечно огрызающаяся, готовая сорваться в любой момент Марта. Может, это ему так повезло? Хотя разве Сандре повезло больше?

Опять послышались оживленные крики, и он решил, что пора возвращаться в дом. Он поспешил к месту, где разбившиеся на группы гости, особенно мужчины, обсуждали какую-то сенсационную новость.

– Что случилось? – спросил Кемаль, подходя к тестю.

– Сейчас передали последние сообщения. В Москве умер Леонид Брежнев, – взволнованно сообщил Саймингтон, – так они показывают его возможного преемника.

Он вошел в большую гостиную дома, где уже сидели несколько человек, остальным было просто неинтересно слушать про умершего лидера непонятной чужой страны, и уставился в телевизор. В дом вошли всего пятеро гостей. Гости выслушали сообщение о смерти этого смешного и страшного лидера далекого северного государства, ядерного оружия которого все-таки очень боялись, и снова принялись танцевать и веселиться. В массе своей это были просто настоящие техасцы, и события в Москве их мало волновали.

На экране показывали сильно постаревшего и осунувшегося Юрия Владимировича Андропова. Диктор сообщал, что по всем признакам новым руководителем партии и государства будет он – бывший руководитель органов КГБ и нынешний председатель похоронной комиссии. Кемаль слушал спокойно. Случившееся происходило слишком далеко от него, словно на другой планете.

ГЛАВА 4

На следующий день поехать в Батон-Руж не удалось. И через день поездка снова не состоялась. А на третий он ждал встречи с Ронни Седлером и не имел права никуда уезжать. Он заранее узнал, что Седлер работает на пару с начальником охраны заводов компании «Юникл», через которого может достать любые необходимые документы. И знал, что после того, как он заплатит ему оставшуюся половину денег, предприимчивый Ронни собирается шантажировать его, попытается вытянуть из него еще не менее ста тысяч долларов. Он все это знал, но терпеливо ждал аргументов.

Никаких личных возможностей проникнуть на заводы нужной ему компании и овладеть документами не было. Лезть ночью на завод, разыгрывая из себя нового Джеймса Бонда, было глупо и малорезультативно. Во-первых, завод хорошо охранялся, во-вторых, он просто не умел лазать по стенам. И, наконец, в-третьих, не имел права этого делать, так глупо подставляя себя и группу людей, с которыми он сотрудничал.

Оставался только один вариант – с мерзавцем Ронни Седлером, который он и проводил в жизнь. Все возможные осложнения после операции он хорошо мог себе представить, но документы нужны были во что бы то ни стало. И он готов был платить за них даже чрезвычайно высокую цену. Но сама мысль о необходимости иметь дело с такими типами, как Ронни Седлер, могла серьезно подорвать нравственное здоровье любого агента ⁷.

В этот раз они договорились встретиться ровно в три часа дня на Ричмонд-авеню, в западной части города, рядом с крупным продуктовым магазином. Кемаль должен был подъехать к магазину на своей машине, а Ронни – сесть к нему в автомобиль прямо у магазина. В этот день Кемаль впервые за столько лет достал свой пистолет «беретту», разрешение на ношение которого он получил почти сразу после натурализации и обретения гражданства. Пистолет он положил во внутренний карман пиджака, посчитав, что при встрече с таким мерзавцем, как Седлер, он совсем не помешает.

К магазину Кемаль подъехал за пять минут до назначенного времени. В две минуты четвертого из здания вышел Ронни Седлер и, не оглядываясь, сел в его автомобиль. Кемаль, даже не поздоровавшись с ним, тронул машину и лишь затем, глядя в зеркало заднего обзора, спросил:

– Принесли?

– А вы? – нагло спросил Седлер. Вместо ответа Кемаль показал на заднее сиденье, где лежал небольшой кожаный портфель. Ронни усмехнулся:

– Вы разрешите? – Он перегнулся и достал портфель. Открыл его, чуть вытаскивая одну из пяти плотных пачек, лежавших в портфеле. Удовлетворенно кивнул и, снова положив портфель на заднее сиденье, сказал: – Я всегда считал, что вам можно верить, мистер Кемаль.

Вместо ответа Кемаль поднял свой телефон и, нажав кнопку уже записанного в памяти аппарата номера, подождал, пока ему ответят на другом конце.

⁷ В современных криминальных и шпионских романах можно достаточно часто прочитать о мужестве отважных разведчиков, смело проникающих на закрытые базы и добывающих необходимые документы. Все это на сто процентов обычная ложь. Практически во всех случаях агенты-нелегалы действуют через своих завербованных людей, добываясь нужного результата либо шантажом, либо деньгами. Второе, более верное и прозаическое, направление обеспечивает и должный результат. Практически все достижения разведки после окончания второй мировой войны, а особенно после развенчания сталинизма, базируются на немалых средствах, выделяемых на подкуп нужных людей. Деньги заменяют патриотизм, верность идее, преданность своему государству. Сказанное не перечеркивает героический труд бывших советских разведчиков-нелегалов, но лишь помогает более правильной расстановке необходимых акцентов. Эпоха героев давно кончилась – наступила эпоха проходимцев и подлецов. И если до августа девяносто первого еще находились чудачки, способные на героическое самопожертвование во имя красивой идеи, то после августа их уже не осталось вообще. А оставшиеся были благополучно отправлены на пенсию. Цивилизованные формы разведки, принятые ныне во всем мире, – это возможность просто купить нужного человека.

– Все в порядке, – сказали там, – ты можешь действовать.

Седлер весело следил за ним.

– Вы привезли документы? – спросил Кемаль, по-прежнему не глядя на своего собеседника.

– Конечно, привез, – Седлер полез в карман, доставая пачку бумаг, – хотя мне пришлось потрудиться, они мне очень дорого обошлись. – Он протянул бумаги Кемалю.

– Бросьте их на сиденье, – предложил Кемаль несколько равнодушно.

Это насторожило Ронни.

– Они вам больше не нужны? – с заметной тревогой спросил он.

– Нужны, но не так, как раньше. – Кемаль посмотрел снова в зеркало. Шедшая за ним «Тойота» не отставала.

– Почему? – уточнил Седлер.

– Вы принесли не все, – спокойно сказал Кемаль.

Седлер не смутился. Заставить нервничать такого подлеца, как он, было непросто.

– С чего вы взяли?

– Знаю.

Кемаль спокойно вел машину, уже выезжая за город, на юго-запад.

– Вы их даже не посмотрели, – не успокаивался Седлер, – откуда вы знаете, что я вам дал? Вместо ответа Кемаль нажал кнопку магнитофона. Послышался характерный голос Седлера.

«– Эрнст, это ты? Говорит Ронни.

– Слушаю тебя, Ронни. Как прошла твоя встреча с этим арабом?

– Он не араб. Я тебе говорил тысячу раз, он не араб, а турок.

– Какая разница. Все равно черномазый. Все они: арабы, турки, негры, индейцы, латинос – это шваль в нашей стране. Так ты с ним говорил?

– Мы с ним договорились. Он уже заплатил мне двадцать пять тысяч. Как я тебе и говорил. Остальное отдаст после того, как получит документы.

– Так много? Ты шутишь.

– Нет, не шучу. Теперь этот ничтожный турок у нас в руках. Мы сумеем вытянуть из него еще больше. Для начала я дам ему не все документы, а только половину...»

Кемаль отключил магнитофон.

– Достаточно? – Он по-прежнему не достаивал взглядом своего пассажира.

– Э... видите ли, мистер Кемаль... – кажется, впервые этот мерзавец не мог найти слов, – это только шутка.

– И насчет двадцати пяти тысяч тоже? Мне придется сократить ваш гонорар вдвое.

– Не нужно, – ухмыльнулся Ронни, – признаюсь, вы меня здорово переиграли. Я не думал, что вы сделаете такой ход. Вторая часть документов у меня дома. Если хотите, поедем туда и я их заберу.

– А как быть с вашими друзьями?

– С какими друзьями?

– Которые следуют за нами вон в той «Тойоте». Или это тоже всего лишь невинная забава?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – угрюмо произнес Седлер, – у вас сегодня просто плохое настроение.

– А у вас оно слишком хорошее. Мистер Седлер, вам не кажется, что вы несколько усложнили нашу встречу?

Ронни молчал. Потом выдавил:

– Вы не такой простачок, каким кажетесь. По-моему, я вас действительно недооценил.

– Мне кажется, да. И у вас будут большие неприятности, мистер Седлер. Во-первых, ваши друзья могут узнать, как вы их обманули, занизив сумму в два раза. Во-вторых, мне при всех случаях нужна будет вторая часть документов.

Седлер обернулся. На сиденье по-прежнему лежал портфель с деньгами.

– Возвращайтесь, – сказал он, – я отдам вам ваши документы. Черт с вами, вы меня переиграли.

– Только поменяемся местами, – предложил Кемаль, – назад автомобиль поведете вы. Вы лучше знаете, куда именно нам ехать.

Ронни нахмурился. Ему не нравилась такая перестановка, но он решил не возражать.

Остановившись у одной из бензоколонок, Кемаль жестом пригласил своего пассажира выйти из автомобиля и, обойдя его спереди, сесть за руль. Решив, что спорить в данном случае по пустякам не стоит, Седлер вынужденно вышел и, не смотря в сторону уже подъезжавшей «Тойоты», прошел на место водителя. Кемаль просто перелез на его сиденье, не выходя из машины.

Седлер сел за руль и захотел развернуть машину.

– Нет, – сказал вдруг Кемаль, – не нужно. Мы едем в правильном направлении.

– Вы с ума сошли? – мрачно спросил Седлер. – Мой дом в другой стороне.

– Я знаю, где ваш дом. Но нам нужно прямо, – показал Кемаль. Что-то в его голосе заставило Ронни подчиниться. Он посмотрел в зеркало заднего обзора. «Тойота» приближалась к ним.

– И сделайте так, чтобы эта машина нас не догнала, – попросил Кемаль.

Седлер не ответил ничего, но чуть прибавил скорость.

– Куда мы все-таки едем? – спросил он минут через пять.

– Как можно дальше от вашего дома.

– Почему? – Кажется, Седлер начал что-то понимать.

Вместо ответа Кемаль показал на свой телефон.

– Вы знаете, что это такое?

– Не считайте меня за идиота, – разозлился Седлер, – кому вы звонили?

– Сейчас я покажу вам, чей номер я набирал, разговаривая со своим другом, но сначала я должен пристегнуться ремнем, иначе вы можете внезапно остановить машину и я проломлю своей головой стекло. А мне бы очень не хотелось этого делать.

Он надел ремень на себя, закрепил его с левой стороны и лишь после этого нажал кнопку телефонного аппарата, и на небольшом экране появились цифры. Это был домашний телефон самого Ронни Седлера. Тот едва не остановил машину. Злобно взглянул на Кемалья и прошипел:

– При чем тут ваш друг?

– Вы похитили документы с помощью своего компаньона Эрнста Крайтона. Я решил, в свою очередь, попросить одного из моих друзей помочь мне. По-моему, так справедливо. Как вы считаете? Я ведь не собираюсь отнимать у вас деньги. Вы их заработали – все сто тысяч. Я лишь позволю себе взять свой товар, за который уже уплачено.

Седлер резко затормозил, выезжая на площадку трассы, расположенную справа от дороги. В руках у Кемалья появилось оружие.

– Вперед, – приказал он, – не останавливаться.

Седлер снова взялся за руль.

– Мы действительно вас не сумели правильно оценить, – словно рассуждая сам с собой, произнес он, – я так и думал, что вы шпион. Конечно, не французский. Арабский или турецкий. А может, иранский. Вы не боитесь иметь дело с ФБР?

– У вас дикая фантазия, мой друг, – улыбнулся Кемаль Аслан, стараясь держаться как можно более естественно, – по-моему, неприятностей с ФБР должны более всего опасаться вы. Это ведь вы украли документы. Вернее, ваш компаньон. И получили за это деньги.

– А потом передал их вам, – огрызнулся Седлер.

– Верно. Но ведь ФБР вообще может заинтересоваться такой личностью, как вы. И тогда вам придется рассказать, куда вы деваете деньги, не учтенные налоговой службой? На какие деньги вы купили ранчо в Мексике? Почему на вашем мексиканском ранчо целый склад наркотиков? Осторожнее, следите за дорогой.

Седлер чуть не поперхнулся от гнева.

– Откуда вы знаете? – спросил он, явно нервничая. – Откуда вы знаете про Мексику?

– И про многое другое. Поэтому не нужно пугать меня ФБР, мистер Седлер. Для вас эта организация еще более опасна, чем для меня. Я добропорядочный гражданин Америки, плачу все налоги, меня знают в Техасе почти все. И семью моей супруги знают вот уже сто лет. А вы пришелец из Орегона, хоть и носите эту дурацкую шляпу и сапоги, выдавая себя за настоящего техасца. Кому поверит больше ФБР – вам или мне? И, наконец, я не отказываюсь – мне действительно нужны были эти документы для заключения сделок по акциям компании. Возможно, я действовал этически не совсем правильно, но юридически... Над вами просто посмеются, когда вы начнете рассказывать о своих подозрениях. Я родился в Америке, мистер Седлер, в Филадельфии, и по законам нашей страны могу даже стать Президентом США.

Седлер молчал, поняв, что ему не переспорить этого непонятного человека. Он только уточнил:

– Откуда вы узнали, что документы находятся у меня дома?

– А где они еще могут быть? – удивился Кемаль. – У вас в кабинете сейф вмонтирован прямо в стену. За полкой с книгами. Или это тоже неправда?

В этот раз Ронни не сумел сдержаться. Он резко затормозил и, когда Кемаль, все-таки несколько ошарашенный подобной внезапностью, чуть убрал дуло «беретты», схватился за пистолет. Ронни не рассчитал своей физической силы. Кемаль ударил его несколько раз очень сильно в лицо, и Седлер упал на кресло водителя, обливаясь кровью.

– Как глупо, – сказал укоризненно Кемаль, – я думал, вы разумный человек и мы договоримся. Я мог убить вас, а мне этого совсем не хочется делать.

Сзади подъехала «Тойота» и остановилась в нескольких метрах от них. В автомобиле было двое мужчин, но ни один из них не выходил из машины.

– Убирайтесь, – приказал Кемаль, взмахнув пистолетом, – я мог бы вас просто пристрелить. Мне жаль, что вы так ничего и не поняли. И не нужно меня пугать. Если хотите, можете идти в ФБР. Как туда добраться, надеюсь, знаете. Только крайняя необходимость вынудила меня иметь дело с таким сукиным сыном, как вы, Седлер. Торговец наркотиками, мошенник, вор и сутенер. Вот вы кто такой на самом деле. Я не оправдываюсь, мне действительно нужны были эти документы. Даже не мне, а моему тестю Саймингтону. И поэтому я вынужден был терпеть ваше грязное присутствие. Вон.

Седлер взялся за ручку автомобиля. Другой рукой достал платок, вытирая нос.

– Я вам отомщу, – мрачно пообещал он.

– Обязательно. Только учтите, если со мной что-нибудь случится, кассета с вашими разговорами за последние несколько дней попадет в полицию. Думаю, их заинтересует ваше мексиканское ранчо.

Седлер вышел из автомобиля, сильно хлопнув дверцей. Кемаль достал свой носовой платок и, вытерев руль автомобиля, пересел на место водителя. После этого обернулся и выбросил из машины портфель с пятьюдесятью тысячами долларов. «Нужно быть справедливым даже по отношению к этим бандитам», – решил он. Но, кажется, они не оценили его справедливости. Седлер, быстро подобрав портфель, поспешил к «Тойоте», что-то объясняя ее пассажирам.

Кемаль завел машину и медленно выехал на трассу, продолжая наблюдать за Ронни Седлером. Тот уже сел в «Тойоту», когда машина вдруг стремительно сорвалась с места.

– Кажется, они ничего не поняли, – пожалел Кемаль, видя, как «Тойота» нагоняет его.

Послышались два резких хлопка. Они стреляют по машине, догадался Кемаль, увеличивая скорость.

Вот тут и начались самые настоящие гонки на трассе. Кемаль с досады даже закусил нижнюю губу. Он так надеялся на благоразумие этого контрабандиста. Оказывается, он обидел его даже сильнее, чем предполагал. И мерзавец Ронни Седлер, горевший желанием отомстить, преследовал его со своими двумя напарниками. И, судя по выстрелам, намерения у них были самые серьезные. Кемаль посмотрел на спидометр. Пока его спасало лишь то обстоятельство, что следовавший за ним автомобиль был намного тяжелее, там сидели сразу трое преследователей. Но машиной управлял очень опытный водитель. Он явно переигрывал Кемалья. И Кемаль подумал, как был прав Том, не желавший идти на столь рискованный вариант с этими документами. Но других вариантов у них не было.

Они заранее знали, что начальник охраны завода в Далласе и Ронни Седлер – закадычные друзья. Эрнст Крайтон раньше работал в полиции, как раз в те времена, когда на его участке всю хозяйничал Ронни Седлер. Потом за явные промахи в своей деятельности Эрнст Крайтон был уволен из полиции. Проводилось даже служебное расследование, но оно ни к чему не привело. И спустя несколько лет Крайтон занял очень выгодную должность начальника охраны, а Ронни Седлер оказался в этот момент в Хьюстоне. Не воспользоваться такой возможностью было непростительной ошибкой. При этом приходилось учитывать и возможность шантажа со стороны Седлера. Но против этого они имели действенное оружие. Том Лоренсберг по роду своей деятельности в частном сыскном агентстве знал, какие именно экспедиции организует в Мексику Ронни Седлер. И тогда они решили рискнуть.

Теперь, уходя на полной скорости по трассе от Ронни Седлера и его компаньонов, он с сожалением думал, что Том был прав, считая этот вариант самым рискованным и опасным. Теперь эти бандиты не собирались так просто оставлять их в покое.

Но прав оказался и сам Кемаль. Он принял наиболее опасное и наиболее действенное решение, получив документы, на приобретение которых у него могли уйти годы.

«Тойота» все-таки нагоняла его автомобиль. Он достал «беретту» из кармана уже во второй раз и положил ее на сиденье рядом с собой. «Как все это глупо, – подумал он. – Столько лет работы и все впустую из-за обиды одного контрабандиста, так ничего и не понявшего. Впрочем, по большому счету виноват даже не Ронни Седлер. Виновато руководство ПГУ в Москве, потребовавшее в столь короткий срок найти эти документы».

Он снова взглянул на спидометр. Должен быть какой-то предел, иначе он просто разобьется. Снова раздался хлопок. Неужели они решили его просто пристрелить? «Тойота», почти нагнав его, изменила тактику. Водитель прибавил еще чуть-чуть и почти поравнялся с ним. Теперь он с ходу попытался резко ударить по его машине, чтобы выбить ее с трассы. От первой попытки «Шевроле» ушел. При второй они все-таки достали его, сильно помяв бок машины. При третьей Кемаль решил атаковать сам и, неожиданно вывернув руль, тоже ударил их машину. Но водитель «Тойоты» был готов к подобному маневру и поймал его на движении влево, тоже смещаясь влево. Определенно, там за рулем должен был сидеть сам Крайтон. Только с его подготовкой офицера полиции можно было так вести машину.

Кемаль постарался увеличить скорость. Но и «Шевроле» имеет свой предел. Стрелять? Он оглянулся. Но на трассе несутся и другие машины. Как потом он объяснит свою стрельбу? Да и нападавшие прекратили стрелять, решив, что лучше просто перевернуть преследуемый автомобиль. Это будет больше похоже на аварию, и все примут такие объяснения куда охотнее, чем выстрелы в господина Кемалья Аслана, известного бизнесмена и зятя самого Саймингтона. Этого могут просто не понять.

Впереди был какой-то мост. Он разглядел его издали и понял, что две машины там не проедут. Ни при каких обстоятельствах. Кажется, там ремонтируют дорогу. Он поправил запотевшие очки. Он и не предполагал, что будет настолько сложно. В «Тойоте», очевидно, также

увидели, что ведутся работы и узкий проход оставлен для одной машины. Теперь два автомобиля летели вперед, почти касаясь друг друга. Преследователи еще дважды сделали попытку выбить его с трассы. Потом он увидел стоявший впереди, с правой стороны дороги, бензовоз.

Из «Тойоты» слышались злобные крики. Конечно, машина стоит на его пути. Ему нужно будет либо самому выбить «Тойоту», либо просто врезаться в бензовоз. Или остановиться на трассе, что равносильно смерти. Его преследователи были вооружены, и против троих ему не выстоять. Он сцепил зубы и увеличил скорость до пределов возможного. Сидевший в «Тойоте» за рулем Крайтон одобрительно кивнул и также увеличил скорость, уже не пытаясь сбить его с трассы. Так они вместе и летели навстречу своей судьбе.

Рабочие, заметившие эту смертельную гонку, закричали, замахали руками. Из бензовоза испуганно выпрыгнул водитель и, пробежав несколько шагов, упал на землю, закрыв голову руками. Машины неслись вперед. Уже почти у самого бензовоза, рядом с мостом, он вспомнил трюк, которому его обучали во время подготовки. И резко повернул в сторону, прямо на мост. «Тойота» устремилась за ним. Он внезапно резко затормозил. Не ударил «Тойоту», водитель которой был готов к такому сюрпризу, а просто резко затормозил. И в этот момент, на какую-то долю секунды Крайтон, не ожидавший этого, попытался также затормозить, но потеря координации сразу сказалась. Машина неловко дернулась и, ломая ограждения трассы, рухнула вниз с холма, переворачиваясь на ходу.

Невольные свидетели происходящего испуганно замерли. «Тойота», перевернувшись несколько раз, врезалась в бетонную опору моста и взорвалась. Сильное пламя поднялось над мостом.

Он открыл дверцу автомобиля. Из-за резкого торможения он довольно сильно ударился о стекло своего автомобиля. Очки были сломаны, и он их просто выбросил, убрал «беретту». И наконец выбрался из машины.

Внизу горели останки автомобиля Ронни Седлера и его компаньонов. Он дрожащими руками потрогал пиджак. Первая часть документов была у него. Наверное, Том успел изъять оставшиеся бумаги. Он сел прямо на землю и все время смотрел вниз, туда, где горела «Тойота». Сегодня он родился в третий раз. Первого своего рождения он не помнил, а вот второй остался в памяти на всю жизнь.

ГЛАВА 5

Он хорошо помнил день, когда это случилось. Его вызвал начальник первого отдела. И он поспешил, еще не зная, что этот вызов перевернет всю его жизнь.

Полковник не любил многословия. Он принял старшего лейтенанта со своим обычным выражением хмурого и недовольного лица. Он не знал, зачем вызывают в Москву его сотрудника, но не ожидал от неожиданных вызовов ничего хорошего.

– Старший лейтенант Караев прибыл по вашему приказу, – доложил вошедший.

– Садитесь, – разрешил полковник. Он минуты две молча разглядывал своего сотрудника и затем неожиданно спросил:

– У вас есть близкие родственники, кроме матери?

– Никого, товарищ полковник, – удивился его собеседник, – вы же знаете, мой отец погиб в августе сорок пятого, в Китае. А я родился через восемь месяцев. У меня нет ни братьев, ни сестер. У матери есть младшая сестра, но она не замужем.

– Да, – кивнул полковник, – все правильно. Не буду скрывать от вас, Караев, пришел запрос из Москвы. Они хотят использовать вас для работы за рубежом. Подробности вы узнаете в Москве. Как вы к этому относитесь?

Он встал:

– Я готов, товарищ полковник.

– Не нужно вскакивать. Матери можете объяснить, что едете в зарубежную командировку. Нашим сотрудникам мы объявим, что вы отправлены на учебу. Вы жениться не собираетесь?

– Пока, кажется, нет, – невольно улыбнулся Караев.

– Тогда все. Желаю вам удачи. – Полковник встал и впервые за все время их совместной работы протянул старшему лейтенанту руку. – Про нас не забывайте, – неожиданно мягко сказал начальник отдела.

На следующий день старший лейтенант Амир Караев вылетел в Москву. Его встречали прямо в аэропорту сразу трое сотрудников Первого главного управления, и он понял, что зарубежная командировка, о которой ему говорил полковник, будет достаточно сложной. Вечером его принял сам начальник управления «С», занимавшегося работой с нелегалами. Караев не знал, с кем именно он беседует, но догадался, что этот пожилой человек с такими мягкими, дружелюбными манерами, в хорошо сшитом штатском костюме занимает в разведке очень большую должность.

Генерал принял его не в своем кабинете, а на какой-то тихой подмосковной даче. Генерал вообще не любил свой кабинет, предпочитая появляться там как можно реже. Он поздоровался с молодым человеком за руку и, показав на диван, предложил продолжить разговор за чашкой чая. Чай подавал незнакомый мрачный высокий парень, в котором легко угадывался сотрудник охраны.

Они пили чай, и генерал задавал совершенно немыслимые и непонятные с точки зрения старшего лейтенанта вопросы. Для начала он спросил, какие фильмы любит его молодой коллега. Коллега очень удивился, но честно ответил, что разные, в том числе и американские. Тогда генерал спросил, какие женщины нравятся молодому человеку. Молодой человек, покраснев, ответил, что не занимался специально такими исследованиями. Генералу понравился его ответ.

Они негромко говорили о жизни старшего лейтенанта. Караев честно рассказал генералу все более или менее заметные моменты своей биографии. Он не сомневался, что начальник управления лучше его знает все эти моменты, но осознавал необходимость такой формы беседы, при которой генералу необходимо было получить личное впечатление. Временами

казалось, что начальнику управления просто нужно писать подробную биографию старшего лейтенанта, настолько незначительные детали и подробности из жизни Караева он хотел узнать.

Его интересовали школьные впечатления Караева, рассказы о его товарищах, воспоминания о своих учителях, даже его пристрастия в еде. Услышав, что старший лейтенант любил больше всего острые и кислые блюда, генерал почему-то довольно кивнул и продолжал свои расспросы. Его интересовало, не было ли у старшего лейтенанта травм черепа в детстве, не было ли каких-нибудь скрытых шрамов и операций, словом, его интересовали все подробности, какие можно выяснить о жизни одного человека.

Они закончили беседовать в половине первого ночи, и генерал, так и не объяснив свой интерес к собеседнику, просто пожелал спокойной ночи. Караев остался ночевать прямо на даче, причем у дверей его комнаты постоянно дежурил сидевший на стуле сотрудник.

На следующий вечер все повторилось. Его вызвали теперь достаточно рано, было около шести часов вечера. И на этот раз вместе с генералом пришли еще двое людей. Один все время задавал дурацкие вопросы о снах старшего лейтенанта, спрашивал, какие чувства испытывает Караев, видя раздавленную крысу или зарезанное животное. Его очень заинтересовала история о попавшей под машину собаке соседей, которую десятилетний Амир с друзьями отвезли к ветеринару. Затем вдруг он попросил Караева пройти с ним в соседнюю комнату и снять там брюки. Смущенный старший лейтенант, не понимавший, почему он получил такой странный приказ, тем не менее вышел с этим незнакомцем в соседнюю комнату и снял брюки. После чего незнакомец попросил снять и трусы. Караев, открывший рот, чтобы выяснить, зачем это нужно, в последнюю минуту решил все-таки не задавать вопросов и покорно снял трусы. Незнакомец внимательно рассмотрел его, обращая внимание на нижнюю часть тела, и, видимо, оставшись довольным, разрешил одеться и вернуться в комнату.

Второй пришедший с генералом незнакомец все время молчал, внимательно наблюдая за ответами старшего лейтенанта. Именно наблюдая, а не слушая. Казалось, его интересовали только внешние данные молодого человека. А к концу вечера он внезапно попросил Караева пройти по комнате и даже встал, чтобы проследить, как именно будет проходить по комнате старший лейтенант.

В этот день ему опять ничего не объяснили, лишь снова пожелали спокойной ночи. Правда, допрос на этот раз длился так долго, что они даже сделали перерыв на ужин, и молчавший все время человек почти ничего не ел, внимательно наблюдая, как ел именно Караев. Причем настолько внимательно, что Амиру просто расхотелось есть и он отказался от фруктов.

Наконец на третий день его снова принял генерал. И он был один и в хорошем расположении духа. На этот раз не было ни чая, ни ужина и вообще никаких вопросов. Генерал просто задал традиционный вопрос «как спали?» и внезапно перешел на «ты».

– Думаю, ты уже догадался, – сказал генерал, – зачем мы мучаем тебя вот уже три дня. Нам нужно было подобрать человека с такими внешними данными, как у тебя. То, что я тебе буду говорить, останется здесь. Ни одному человеку, никогда и ни при каких обстоятельствах ты не имеешь права рассказывать этого. Ни одному и никогда.

Мы хотим послать тебя вместо одного человека. Это реально существующий человек, вернее, существовавший. Нет, – заметив невольное движение Караева, успокоил его генерал, – мы его не убивали. Он попал три месяца назад в аварию и сейчас лежит в коме в софийской больнице. Вот его фотография. – Генерал достал из кармана фотографию. Караев изумился, генерал носил фотокарточку во внутреннем кармане пиджака. Амир был уже не дилетант и понял, насколько важна секретность в его деле, если даже фотографию на охраняемой даче ПГУ КГБ СССР генерал держит в своем пиджаке.

С фотографии на него смотрело незнакомое лицо молодого человека, отчасти напоминающее его собственное. Только этот парень был с небольшими усиками и прическа была несколько другой, более пышной.

– Это он? – спросил Караев.

– Да, его зовут Кемаль Аслан. Он из очень известной турецкой семьи, – ответил генерал, забирая фотографию.

Тогда он впервые услышал это имя – Кемаль Аслан, – еще не подозревая, что оно будет его собственным именем долгие годы.

– Дело в том, – продолжал рассказывать генерал, – что этот молодой человек родился в Филадельфии, в Америке, и до пяти лет был даже гражданином США. Его дядя Юсеф Аббас имеет очень большие связи в Германии и США. Последние годы он проживает в США, на юге, в Хьюстоне. Излишне говорить, какой большой интерес представляют для нас заводы в Далласе и Хьюстоне. Ты ведь должен знать об этом по делу Мачаидзе.

– Там есть несколько военных заводов, – вспомнил Караев, – в том числе филиалы крупных калифорнийских компаний.

– Правильно. И проникнуть на эти заводы у нас нет никакой возможности. Но теперь у нас вдруг появился уникальный шанс. Молодой человек уехал из Америки двадцать лет назад. Его там никто, конечно, не знает в лицо, даже родной брат отца. Его собственный отец умер, когда ему было пять лет, и он с матерью переехал в Болгарию в начале пятидесятых. Мать Кемалья болгарская турчанка. Другой дядя Кемалья живет в Измире. Это Намик Аббас. Он тоже достаточно крупный бизнесмен. Кстати, он был два месяца назад у своего племянника, но, естественно, не мог ничего особенного разглядеть. Племянник был забинтован и не реагировал на присутствие людей. Ты понимаешь, какой у нас шанс? Мы можем выдать тебя за этого самого племянника. У него умерла мать три года назад, и он сейчас совсем один. Собирался переезжать в Турцию, даже подал документы. До этого он никогда не был ни в Турции, ни в США. И мы собираемся послать тебя вместо него.

Караев сидел молча, пытаясь осмыслить сказанное генералом.

– Ты почти идеальная кандидатура на эту роль, – продолжал генерал, – турецкий язык для тебя почти как родной, только несколько слов произносятся по-другому, да и готовили тебя во время учебы для работы против турок. Тебе нужно срочно изучить болгарский, что совсем не трудно. Английский у тебя не такой, как у настоящего американца, но наши психологи считают, что так даже лучше. Ты не можешь говорить в совершенстве по-английски, ведь прошло столько лет, тебе еще нужно учиться заново. Но вот турецкий и болгарский ты должен знать абсолютно хорошо. Конечно, тебе придется выехать в Болгарию и готовиться там на месте. В Москву вернешься лишь в самом конце, перед отправкой. Для уточнения последних деталей. Ты меня понимаешь?

Караев кивнул. Он все еще пытался разобраться в своих чувствах, сознавая, что отныне для него начинается новая жизнь.

– Мы постараемся сделать все, чтобы подготовить тебя как нужно. Но сознаем, что идем на колоссальный риск. Такой обмен мы не практикуем. Слишком велика вероятность провала агента. Все предусмотреть невозможно. Обычно нашим нелегалам мы просто придумываем биографии. А здесь вполне реальное лицо, со своими воспоминаниями и, самое главное, воспоминаниями тех людей, с которыми он когда-либо встречался. Тебе будет очень трудно, старший лейтенант. Стратегическая задача – попасть в Америку, перебраться к своему старшему дяде и закрепиться в Хьюстоне. Учитывая, что ты родился в Америке, получение для тебя американского гражданства вещь вполне реальная. Мы на это можем вполне рассчитывать.

Генерал помолчал. Потом вдруг спросил, чуть улыбнувшись:

– Страшно? Только честно?

– Немного, – откровенно признался он.

– Мне тоже не по себе, – признался генерал, – никогда не отправлял на такое дело молодых ребят. Обычно наши нелегалы люди опытные, уже проработавшие много лет за рубежом и в возрасте не меньше тридцати пяти. Но ты единственный, кто подходит. И по возрасту, и по

внешности, и даже по языковому барьеру. Кроме того, есть вещи, которые абсолютно невозможно имитировать, а ты подходишь. Например, вчера тебя попросили раздеться. Ты даже не спросил, зачем это нужно. Мы только вчера выяснили, что Кемаль Аслан, как и положено настоящему турку, был в детстве обрезан. Ну, посуди сам, кто из разведчиков мог даже подумать об этом. А ты, как восточный человек, тоже был обрезан в детстве. И ведь это подделать невозможно. Нельзя провести такую операцию теперь и выдать ее за операцию двадцатипятилетней давности. Ничего не получится. Понимаешь, как точно подходишь именно ты?

– Если только по этому признаку, – впервые улыбнулся Караев.

Генерал оглушительно захохотал, у него даже выступили слезы. Он вскочил с дивана и, продолжая смеяться, сел за стол.

– Нет, – наконец сказал он, – не только по этому признаку. Вернее, не только из-за него. Но если серьезно, то и этот момент говорит в твою пользу. Во всяком случае, та небольшая соломинка, которая перевесила все «за» в твою пользу. Мы отбирали трех кандидатов по всему Союзу. Не скрою, я бы хотел, чтобы ты был постарше и поопытнее. Но прошла твоя кандидатура. Какие-нибудь вопросы у тебя есть?

– У меня будет много времени?

– Не очень, месяца три-четыре. Потом ты ляжешь в больницу и врачи будут медленно выводить тебя из комы.

– Он сильно разбился?

– В основном голова и нога. Но там шрамы недавние, и их легко можно нанести на твое тело.

– Меня отправят в настоящую кому?

– Мне нравится твое чувство юмора, – хитро улыбнулся генерал, – но не зарывайся. Никто тебя в настоящую кому не отправит. Хотя, предупреждаю честно, левую ногу мы тебе немного поскребем. Но под наркозом и так, что ты ничего не почувствуешь. То же самое и насчет головы. Шрамы у тебя будут, а последствия после комы могут и не столь сильно проявляться.

– А если мой дядя предложит мне пройти медицинский осмотр? Они не очень доверяют болгарским врачам, особенно в Турции.

– Очень хороший вопрос, – кивнул генерал, – обязательно предложит. Поэтому мы уже полтора месяца назад послали в Измир одного врача. Настоящего турка. Он коммунист, был еще другом Назыма Хикмета. В случае необходимости он тебе поможет. Какие подробности тебя еще интересуют?

– Что я сообщу матери? Это надолго?

Генерал вздохнул.

– Не хочу врать, – честно сказал он, – просто не знаю. Мы предполагаем внедрить тебя в Хьюстон. Это может быть пять лет, может – десять, а может – мы рассматриваем это как крайний вариант – и все пятнадцать. Ничего более конкретного сказать не могу. Ты ведь все сам понимаешь, что работа нелегала не всегда может планироваться, как наши пятилетки. Здесь нельзя все просчитать. Некоторые агенты работают по десять и более лет. Некоторые гораздо меньше. Все будет зависеть от твоего умения сыграть свою роль. Может, получится так, что ты вернешься прямо из Турции. А нам бы этого не хотелось.

– Понимаю, – серьезно сказал он, – можно я еще раз посмотрю на его фотографию?

Генерал полез в карман. «Кемаль Аслан», – пробормотал Караев.

В этот день он родился вторично.

ГЛАВА 6

Он считал, что после аварии сможет навсегда забыть о Ронни Седлере и его друзьях, но уже через два дня, прочитав в местных газетах сообщение о смерти троих разбившихся в аварии людей, понял, как ошибался. Среди погибших не было Крайтона. А машину действительно вел бывший сотрудник полиции штата Колорадо, уволенный оттуда еще четыре года назад. И Кемаль понял, что он выиграл лишь первый раунд. Второй раунд ему предстояло отыгрывать.

Он оказался почти провидцем. Уже на следующий день после опубликования сообщения об аварии ему позвонил сам мистер Крайтон.

– С вами говорит Эрнст Крайтон, – представился этот негодяй, – я был близким другом покойного Ронни Седлера. Он никогда вам обо мне не рассказывал?

– Нет, – морщась, ответил Кемаль.

– Странно, а мне он о вас рассказывал. И о ваших необычных заказах на заводах нашей компании.

Это был намек. И Кемаль его понял.

– Что вы хотите? – сухо спросил он.

– Я не знаю, как именно погиб Ронни, – вместо ответа услышал Кемаль в телефонной трубке, – но подозреваю, что моим друзьям кто-то сильно помог. Это дело полиции вести расследование, но мне хотелось бы сообщить вам, что за Ронни был долг в двадцать пять тысяч долларов. Он должен был получить эти деньги и передать мне.

– Деньги сгорели в машине, – напомнил Кемаль.

– Я читал в газетах, что там нашли какой-то портфель с обгоревшими деньгами. Но при чем тут мы? Он разбился, и очень жаль, но наши ребята честно сделали свою работу и должны получить все деньги.

– Я не плачу дважды по одним счетам.

– Понимаю. Но поймите и наше положение, мистер Кемаль. Вдруг кто-нибудь случайно узнает о ваших нездоровых интересах? Вы понимаете, какой может быть скандал?

– Это шантаж?

– Что вы, – кажется, засмеялся Крайтон, – это просто напоминание.

– Что вы хотите? – повторил вопрос Кемаль.

– Вернуть честно заработанные деньги.

– И все?

– Конечно, мистер Кемаль. Мы люди деловые...

– Я знаю, с кем имею дело, – бесцеремонно перебил он Крайтона. – Когда и где мы должны встретиться?

– Вы знаете, где находятся портовые склады нашей компании?

– Знаю.

– Приезжайте туда. Только привезите наши деньги. И не нужно никого за собой приводить. Это в ваших интересах, мистер Кемаль.

– Когда?

– Сегодня в шесть часов вечера.

– Я не успею, – решительно сказал он, – только через два дня.

– Но мы говорили...

– Я уже сказал – послезавтра. Сегодня никак не получится. Мне нужно заказать в банке такую сумму. Вы меня понимаете?

Крайтон промолчал целых десять секунд. Потом, рассудив, что его собеседник прав, наконец выдал:

– Но тогда точно послезавтра. Мы ждем денег. И без глупостей, мистер Кемаль. Вы меня понимаете?

– Слишком хорошо. – Он положил трубку. В сейфе лежит «беретта». Нужно будет рассказать обо всем Тому. Но, конечно, нельзя его подставлять под пули бандитов. На встречу с Крайтоном он пойдет один. Может быть, удастся закончить дело всего двадцатью пятью тысячами долларов. Хотя сам он совсем не верил в такую перспективу. Получив деньги, контрабандисты просто захотят его все время шантажировать. И из этого положения есть только один выход.

Он вызвал секретаря.

– Соедините меня с мистером Лоренсбергом. И проследите, чтобы мне не мешали разговаривать.

Через полминуты Том взял трубку.

– Слушаю вас, мистер Кемаль.

– Мне только что звонил мистер Крайтон, – сказал Кемаль.

Том молчал. Он все, конечно, понял и теперь обдумывал ситуацию.

– Он не погиб вместе с Ронни Седлером, я прочел об этом в газетах, – добавил Кемаль.

– Когда мне нужно приехать? – спросил уже вычисливший ситуацию Том.

– Прямо сейчас, – твердо сказал Кемаль.

– Буду через полтора часа, – пообещал Том.

Кемаль откинулся на спинку кресла и задумался. Даже если их разговор прослушивается, там ничего не должны понять. В конце концов, он может позвонить своему знакомому частному детективу для охраны от малознакомого типа, к тому же непонятно почему вымогающего двадцать пять тысяч долларов. Он встал и подошел к окну. Документы они получили, но теперь нужно думать, как избежать столкновения с этой мафией. Он снова посмотрел в угол на сейф, где лежала его «беретта». Кажется, другого выхода они ему просто не оставили.

Кемаль вернулся за стол. Хорошо, что Ронни Седлер был не только подлым и глупым, но и жадным. Он обманул своих товарищей, рассказав им о гораздо меньшей сумме, чем получал лично сам. Седлер, конечно, был мерзавец, но в данном случае его жадность сыграла на пользу. Теперь нужно до завтра срочно найти двадцать пять тысяч долларов. Снять такую сумму с банковского счета нельзя – сразу вызовет подозрение. Предыдущие пятьдесят тысяч он набирал несколько недель, а теперь сразу, за один день такая сумма. Нужно как-то объяснить необходимость ее получения. Он нахмурился. Конечно, это его деньги и он может снять их полностью. Но сразу за этим приедет налоговый инспектор выяснять, куда и зачем была взята такая сумма.

Том, вдруг вспомнил он. Конечно, Том Лоренсберг. Это же частный детектив. А ему могут понадобиться наличные деньги. Кажется, это идеальный выход в данной ситуации. Но послезавтра все равно придется идти на встречу с Крайтоном, отлично сознавая, что эти сукины дети просто так не отвяжутся. Им нужен шанс для шантажа, и этот шанс Кемаль дает им своими руками, вручив двадцать пять тысяч долларов за документы, добытые для него Эрнстом Крайтоном и покойным Ронни Седлером.

Теперь нужно подождать Тома. Объяснить ситуацию и просчитать варианты. Эрнст Крайтон бывший полицейский. Ему обязательно станет известно, как именно погибли его друзья. У Кемалья и так были долгие разговоры с полицией, не понимавшей, отчего столь известный бизнесмен вдруг решил принять участие в смертельных гонках.

Крайтон, безусловно, блефует. Он возьмет деньги и сразу начнет шантажировать. Если, конечно, вообще позволит Кемалю уйти живым после встречи. Но Крайтон позвонил сам и невольно подставился. Теперь и Кемаль будет точно знать, кто именно помог Седлеру получить документы. Крайтон не должен был звонить лично. Он подставился. А это значит, что он уже ничего не боится. Тогда может быть два варианта развития событий. Либо он не принимает Кемалья Аслана всерьез, вычеркнув его из списка живых. Либо собирается затем лично шанта-

жировать своего влиятельного клиента. В обоих случаях конец непредсказуем. Есть, правда, и третий вариант, при котором Крайтон просто связан с ФБР. Но об этом думать не хотелось. Во-первых, документы были подлинные, а при сложившейся бюрократической системе никто из американских чиновников просто не возьмет на себя такую смелость – выдать документы агенту иностранной державы. А во-вторых, гибель троих людей просто обязывала бы ФБР приступить к более активным действиям. Нет, конечно, не ФБР.

Как и обещал Том, он приехал ровно через полтора часа. Кемаль всегда поражался этому умению своего напарника быть точным при всех обстоятельствах. Не принимая в расчет американские «траффики», многокилометровые заторы, при которых можно простоять несколько часов.

Они работали с Лоренсбергом уже четыре года. После того как Кемаль наконец закрепился в Хьюстоне и восстановил американское гражданство, получив необходимые документы, в маленьком городке Бейтауне открылось бюро частного детектива Тома Лоренсберга, который в действительности был советским офицером разведки. В отличие от Кемалья, у него не было никаких отдельных поручений. Его задача была прикрывать своего напарника при любых обстоятельствах. И заодно быть его связным. Проанализировав неудачи последних лет, руководство советской разведки обратило внимание на то обстоятельство, что лучшие агенты проваливались из-за своих связных, на роль которых, как правило, подбирались не всегда наиболее опытные и надежные сотрудники. Операция по закреплению Кемалья Аслана была слишком важна для Первого главного управления, чтобы рисковать исключительно ценным агентом. Поэтому в Москве было решено направить в помощь Кемалю одного из лучших офицеров разведки, долгие годы проработавшего в Сингапуре и Австралии.

Кемаль Аслан не знал настоящего имени и звания Тома, как и Лоренсберг никогда не спрашивал имени и звания своего ведомого. Оба сознавали, что лишние вопросы не имеют значения для их работы, и сознательно старались их избегать. В отличие от Кемалья, Лоренсберг не был на виду. Никому и в голову не могло прийти, что в небольшом сонном Бейтауне может осесть советский разведчик-нелегал, офицер разведки. В Бейтауне самым большим секретным объектом была детская площадка, где дети прятались во время своих игр. Сюда никогда не заглядывали сотрудники ФБР, да и полицейские в городе сидели почти без работы, если не считать случавшихся иногда потасовок среди молодых ребят и два случая ножевых ранений, когда просто повздорили две группы юнцов.

Лоренсбергу сознательно выбрали такой городок и подобное место работы для прикрытия его многочисленных разъездов, в ходе которых он свободно мог встречаться с представителями советской резидентуры, передавая им необходимые сведения и получая новые задания. Тому было около сорока пяти лет. Это был довольно высокий мужчина с резкими чертами лица и удивительно красивыми руками пианиста или скрипача.

Приехав в офис Кемалья, он обменялся с хозяином кабинета традиционными словами о делах компании, и, лишь когда они спустились в машину Лоренсберга, Кемаль рассказал своему напарнику о внезапном телефонном звонке Крайтону. Теперь, сидя за рулем и слушая Кемалья, Том понимал, какой опасности подвергается его подопечный. Он, заранее планировавший всю операцию по изъятию документов с Ронни Седлером, четко сознавал, с какого рода мерзавцами они имеют дело. И не сомневался, что эти мерзавцы дадут о себе знать. Теперь, слушая рассказ Кемалья о звонке Эрнста Крайтону, он мысленно просчитывал и варианты наиболее быстрого решения сложной проблемы.

– Что думаешь делать? – спросил Лоренсберг.

– Пойду на встречу, – вздохнул Кемаль, – Крайтон знает слишком много, в любом случае с ним нужно будет встретиться и попытаться нейтрализовать.

– Ты понимаешь, как это опасно?

– Конечно, понимаю, но другого выхода у меня просто нет. Нельзя позволить Крайтону болтать что угодно. Он хочет получить свои деньги.

– Думаешь, он на этом успокоится?

– Убежден, что нет. Более того – попытается меня шантажировать. Или запугать. Поэтому мне нужно быть готовым к любым непредсказуемым действиям бывшего «копа».

– Мне придется поехать на эти склады уже сегодня, – озабоченно сказал Том. – Он указал точное место, где состоится встреча?

– Сказал, на их складах в порту.

– Там можно спрятать батальон пехотинцев, – вздохнул Том, – ладно, не впервые. И дернул нас черт связаться с мафией. Поеду завтра утром и посмотрю, что можно сделать. Только давай договоримся, что завтра ты никуда не будешь выходить, даже на работу. Тебе лучше поехать за город, отдохнуть. Или к своему тестю на его ранчо.

– Марта поехала туда вчера, – вспомнил Кемаль, – лучше мне там не появляться.

– Опять проблемы? – понял Том.

– Еще какие. Я думаю разводиться, – вздохнул Кемаль.

– Это сообщение для Центра или ты говоришь сейчас просто как муж-неудачник?

– Конечно, как муж-неудачник. Я ведь понимаю, как они отреагируют в Москве на мой развод. Чертова профессия, – улыбнулся вдруг Кемаль, – даже развестись не можешь по своему желанию. На все нужно спрашивать разрешение начальства.

– Это серьезно, Кемаль, – возразил Том. – Завтра я поеду на склады, попытаюсь там что-нибудь выяснить. Они вряд ли начнут сразу в тебя стрелять, сначала захотят получить деньги и с тобой поговорить. Им захочется выудить из тебя еще денег, и поэтому, по логике, они должны тебя беречь. Но все равно нужно быть готовым к любым неприятностям. Я все просмотрю там, а ты уезжай пока завтра куда-нибудь за город. Они должны почувствовать, что ты испугался.

– Я поеду в Батон-Руж, – вдруг вспомнил Кемаль.

– Что тебе там делать? – удивился Том.

– Поеду завтра на один день. Просто так.

– Как хочешь. Только учти, кроме аэропорта, никуда не заезжай. Они могут следить за тобой, и завтра я поеду тебя провожать в аэропорт. Договорились?

– Хорошо, – согласился Кемаль, – но в порту будь поосторожнее. Они могут тебя засечь, выяснить, что мы знакомы.

– Понимаю. – Том посмотрел в зеркало заднего обзора. – Нет, показалось. Мне иногда кажется, что за мной идет хвост. А потом оказывается, что это вообще разные машины.

– Нервы?

– Усталость. Я не думал, Кемаль, что пробуду здесь четыре года. Целых четыре года. Согласись, это достаточно много. Про тебя я не говорю. Ты вообще человек без нервов. Продержаться столько лет на нелегальной работе, это, я тебе скажу, достижение. На пенсию уходить не думаешь? – полушутя-полусерьезно спросил Том.

– Это официальный запрос Центра или вопрос к мужу-неудачнику? – передразнивая своего напарника, шутливо спросил Кемаль. И они оба рассмеялись. Через час Кемаль вернулся в свой офис, а Том Лоренсберг поехал в порт.

Вечером Том позвонил Кемалю уже домой.

– Добрый вечер, мистер Кемаль. – Они всегда учитывали возможность прослушивания их телефонов.

– Это вы, мистер Лоренсберг? – спросил Кемаль, уже узнав голос напарника.

– Я был по вашему заданию на этом объекте. Конечно, сложный объект, но работать можно. Все будет в порядке, мистер Кемаль. Во всяком случае, я так полагаю.

ГЛАВА 7

В Батон-Руж он приехал ранним утром. Учтывая, что в запасе у него был всего один день, он не поехал на машине, а выбрал самолет, прилетев в столицу Луизианы всего за сорок пять минут. В аэропорту он взял такси и поехал в отель «Говард Джонсон Плаза», где заказал себе номер, позвонив из Хьюстона. Отель располагался почти на самом берегу Миссисипи и совсем недалеко от местного Капитолия, где проходили заседания законодательных органов штата Луизиана. Забросив свой чемоданчик в номер, он не стал вызывать автомобиль из бюро проката, а решил пройти пешком, посмотреть город.

Столица штата Луизиана – город Батон-Руж был расположен на левом берегу реки Миссисипи. Кроме крупного порта, город был известен и своим стратегическим месторасположением, через него проходили нефте- и газопроводы, ведущие из Техаса через Ричмонд в Нью-Йорк. В городе были расположены крупные предприятия перерабатывающей промышленности, сюда традиционно поступали бокситы из Ямайки и Суринама.

Добравшись до Северной улицы, где располагался Капитолий, Кемаль обошел небольшой парк и направился прямо к зданию, где, по его расчетам, в это время должно было проходить заседание. Несмотря на охранявших здание полицейских, в Капитолий могли входить все кто угодно. В маленьком Батон-Руже никогда не слышали о террористах или анархистах. Здесь жили своей привычной, размеренной, гораздо более спокойной, чем в Новом Орлеане, жизнью. Здесь не любили ненужной суеты и волнений.

Он поднялся на балкон для гостей. Сверху хорошо были видны скучающие лица сенаторов Луизианы. Некоторые что-то писали, один, закрыв глаза, кажется, просто спал, еще двое о чем-то спорили, стоя у прохода. С трибуны выступал тощий, несколько нервный тип с подергивающимся лицом. Он размахивал руками, стараясь привлечь к себе внимание слушателей столь очевидной для него важностью своей проблемы, но почти никто не обращал на это внимания.

Кемаль посмотрел на Сандру. Она сидела в кресле председательствующего с такой же несколько отстраненной маской безразличия, какая была на лицах многих законодателей. Вице-губернатор была в темно-синем костюме и белой блузке. Волосы у нее были аккуратно собраны сзади. В руках она держала очки. Он смотрел, как она пишет, иногда отчего-то хмурится, иногда улыбается. Он просто сидел и смотрел целый час, пока ораторы на трибуне сменяли друг друга.

Ему были неинтересны эти выступления, и он не слушал, какие именно проблемы волнуют луизианских законодателей и их налогоплательщиков, когда вдруг один из выступающих, очевидный оппонент вице-губернатора, сказал нечто саркастическое в адрес местных властей. Сандра рассердилась. Это было видно по ее нервной реакции. Она стукнула ручкой по столу и призвала выступающего говорить более конкретно. Но сенатор, представляющий в сенате местную республиканскую партию, ответил ей еще более резко, обвиняя демократов в подобных нарушениях. Поражение на выборах кандидата демократов президента Картера было еще слишком свежо в памяти, и демократы, сидевшие в зале, неодобрительно загудели, пробуждаясь от своей спячки. И тут выступила Сандра. Надев очки, она прочла какое-то сообщение. Было видно, как трудно ей дается спокойствие. Она бросила листок бумаги на стол, подняла глаза... и растерянно сняла очки, увидев Кемалю. Чисто женским движением. Первое, о чем она подумала, были ее очки, прибавляющие ей несколько лет к возрасту. И только затем, осознав, что Кемаль поймет причину ее некоторой заминки, она растерялась еще больше, подвинув к себе очки, но так и не решаясь надеть их снова.

Сенатор с трибуны продолжал возражать вице-губернатору, а она, подняв голову, смотрела на него. Целую минуту длились эти взгляды. В зале начали перешептываться. Выступающий сенатор даже оглянулся на вице-губернатора, и только тогда Кемаль вышел из зала.

Через полчаса был объявлен перерыв. Кемаль ждал ее у выхода из зала, когда наконец она появилась. Увидев Кемалья, сухо кивнула ему и, протягивая руку, подчеркнуто серьезно спросила:

– Как ваши дела? Как Марта?

– Спасибо, хорошо.

– Вы давно приехали в Луизиану?

– Два часа назад, – честно ответил он.

Она чуть прикусила нижнюю губу, но больше ничего не спросила.

– У вас перерыв, – несмело сказал Кемаль.

– Да, около двух часов. Но потом заседания не будет. Мы решили собраться завтра. Сегодня сенаторы работают в своих комитетах.

– Значит, я могу пригласить вас на обед.

– Это утверждение или вопрос?

– Скорее просьба.

– Вы считаете, что будет прилично, если я ее приму?

– Мне трудно ответить на этот вопрос.

Она улыбнулась, показывая свои изумительно красивые зубы. Зубы у нее были свои, это он отметил еще там, на дороге в Техасе.

– Почему вы не сказали, что приезжаете?

– Я говорил вам об этом еще на ранчо Каррингтона.

– Вы сказали, что приедете на следующий день, – к его радости, вспомнила женщина, – вы всегда так неточны?

– Я попал в аварию, – ответил он, – едва не столкнулся с другой машиной. Мне повезло больше, я уцелел, а тот автомобиль разбился. В нем было трое пассажиров.

– Какой ужас. – Она взглянула на него. – Это правда или вы все прямо сейчас придумали?

– Вы мне не верите?

– Просто такое совпадение, – пожала она плечами, – верю, конечно.

– Мы можем где-нибудь пообедать?

– Давайте прямо в здании Капитолия. Там есть небольшое кафе, – предложила женщина.

Он покачал головой.

– В этих зданиях всегда какой-то дух канцелярии, чего-то неживого, искусственного. Давайте лучше пойдём на улицу.

– Хорошо, – на этот раз довольно быстро согласилась Сандра, – только мне придется взять мою машину. Вы приехали на машине?

– Прилетел на самолете.

– Тогда вам удобнее. Поедем на моей.

Сандра показала в сторону стоявших у здания автомобилей.

– Я совсем забыл про ваш разбитый автомобиль, – пробормотал он. – Как же вы ездили?

– Уже давно все в порядке. Идемте к машине, – предложила женщина.

Они прошли мимо целой вереницы машин. Несмотря на то что Сандра Лурье была вице-губернатором штата, она ездила на своей машине и иногда даже не находила ей места для парковки, уже занятого кем-нибудь из работников ее канцелярии. Это был совсем не показатель демократизма. Это был просто образ жизни американцев. Без ненужного снобизма и заносчивости. С нормальными человеческими отношениями, когда опоздавшая на парковку миссис вице-губернатор не могла поставить свою машину на место, уже занятое обычным рядовым клерком. Это было правилом здорового образа жизни.

Дойдя до автомобиля, Сандра достала ключи и, усевшись в машину, открыла переднюю дверь изнутри.

– Садитесь, – пригласила она своего спутника.

Он привычно быстро сел в автомобиль.

Она, чуть прищурив глаза, завела автомобиль и выехала на улицу.

До ресторана они ехали минут десять. И все время молчали. Наконец она показала на здание ресторана.

– Это здесь.

Вырулив на стоянку, аккуратно поставила машину в ряд и первой вышла из автомобиля.

– Идем.

В ресторане в этот час было довольно много гостей. Предупредительный метрдотель, увидев миссис Лурье, поспешил навстречу.

– Добрый день, мадам Лурье, – по-французски сказал он.

– Здравствуй, Пьер, – улыбнулась женщина, – я сегодня не одна. Ты можешь выбрать где-нибудь для нас тихое место?

Метрдотель закрыл глаза. Он был плотный, среднего роста, с чуть оттопыренными ушами. Было заметно, как нравится ему работать в этом ресторане. В его движениях и поведении было нечто от мажордомов и дворецких, что всегда выгодно отличало хороших метрдотелей.

– И что-нибудь легкое на ленч, – добавила Сандра.

– Легкий ленч или вы будете обедать? – поднял левую бровь Пьер.

– Мы будем обедать, – уточнила она.

– Легкое вино, – он не предлагал, он почти приказывал.

– Безусловно. Ты знаешь лучше, что нам нужно.

Это была высшая похвала. Пьер прикрыл глаза, целых пять секунд наслаждаясь своим триумфом. Затем повел почетных гостей к столику с видом на реку.

– Это самое лучшее место, миссис Лурье, – сказал он уже по-английски.

– Не сомневаюсь, – с самым серьезным видом ответила она.

– Забавный тип, – сказал Кемаль, когда метрдотель неспешно удалился.

– Я знаю его уже много лет, – пояснила Сандра, – здесь работал еще его отец.

– Вы выросли в Батон-Руже?

– Нет, просто часто бывала здесь. Мы жили в Новом Орлеане, потом некоторое время в Хьюстоне. Поэтому я как бы соединила в себе два наших соседних штата – Техас и Луизиану. И одинаково люблю оба. Как бы две мои маленькие родины. А где была ваша родина, мистер Кемаль?

– Не знаю, – искренне ответил он и, словно спохватившись, добавил: – Может, в Филадельфии, может, в Болгарии. Там есть такой небольшой городок под Софией, со смешным славянским названием – Елин-Пелин. Моя мама была оттуда родом. – При воспоминании о своей настоящей матери сердце забилось более учащенно. – Она была турчанкой, но болгарской подданной. Когда умер мой отец, гражданин США, мы переехали в Болгарию. А после смерти матери я переехал к дяде в Турцию и уже оттуда снова в США, к другому дяде.

– Юсеф Аббас, – кивнула Сандра, – я слышала о вашем дяде.

– Вы знали и его? – удивился Кемаль.

– Нет, – чуть усмехнулась она, – я тогда была несколько моложе. Просто о нем много говорили в доме моего мужа. Они вели с ним какие-то дела, и я запомнила необычную фамилию техасского миллионера турецкого происхождения.

– Да, его знали многие в Техасе и в соседних штатах, – подтвердил он, – поэтому я не знаю, какой город для меня более родной. Сейчас Хьюстон. До этого был Измир, до него Елин-Пелин, а в самом начале Филадельфия, которую я, честно говоря, почти не помню. Недавно

я был там, но почти ничего не узнал. Прошло столько лет. Хотя в Филадельфии еще живут несколько семей, знавших моего отца.

Официант, бесшумно возникший рядом с ними, расставил на столе несколько тарелок, принес бутылку с вином и по знаку Сандры откупорил ее, разливая в высокие бокалы.

– За вас, – поднял бокал Кемаль.

– Спасибо, – она только пригубила вино. Впрочем, и он почти ничего не выпил.

Заиграла тихая музыка. Это был традиционный джаз.

– Вы давно вице-губернатор? – спросил Кемаль.

– Нет, только первый раз. До этого я возглавляла одну небольшую рекламную компанию, которая всегда традиционно поддерживала демократов. На последних выборах местный комитет решил, что я более всего подхожу для роли вице-губернатора, и мне предложили баллотироваться. Я даже не ожидала. Впрочем, мой отец был сенатором штата еще двадцать лет назад.

– Он жив?

– Да. Может, вы слышали – Филипп Мерсье. Его знали и в Техасе.

– Нет, – покачал головой Кемаль, – не забывайте, я в Техасе всего пять лет. Пока новичок.

– Вы успели многое, – возразила женщина, – генеральный директор такой известной компании, вас уже знают в Техасе. Кроме того, вы зять самого Саймингтона.

– Да, – подтвердил он мрачно, – жениться я тоже успел.

– У вас, по-моему, сын? – спросила Сандра.

– Марк, – кивнул он, – ему три года. Иногда мне кажется, что он даже умнее меня. А сколько лет вашей дочери?

– Я же сказала, что училась с Мартой, – дипломатично ответила она, – я рано вышла замуж. У меня очень взрослая дочь.

Они замолчали.

– Зачем вы приехали? – неожиданно спросила она.

– Увидеть вас. – Он отвечал предельно искренне. – Я прилетел всего на один день.

– Для этого нужно было лететь через весь штат? – Она умела задавать прямые вопросы.

– Чтобы увидеть вас – да.

Она достала сигареты, вытащила одну, шелкнула зажигалкой, затянулась.

– Я же говорила вам, что Марта была моей подругой.

– А я говорил, что все равно приеду.

– Это ничего не меняет, – возразила она.

– Мне нужно было обязательно с вами поговорить.

– Мистер Кемаль, в моем возрасте и положении смешно выглядеть распутной девицей, отбивающей супруга у лучшей подруги.

– Миссис Лурье, мне абсолютно все равно, какое у вас положение и сколько вам лет. Я даже знаю, что меньше, чем мне. А я считаю себя до сих пор достаточно молодым человеком.

– Я не сказала, что я старая, – сразу парировала она.

– А я так и не говорил.

Официант принес еще два каких-то блюда и расставил перед ними.

Но они не смотрели на еду.

– Мне уже тридцать пять, – сказала Сандра, – мистер Кемаль, судя по активности моей дочери, я скоро могу стать бабушкой. – Она нашла в себе силы усмехнуться. – Думаю, вы понимаете, что между нами ничего не может быть.

– Я собираюсь разводиться с Мартой, – внезапно сказал он, впервые четко осознавая, насколько назрела такая необходимость.

– Надеюсь, не из-за меня?

– Нет. У нас с ней не сложились отношения.

– И давно вы решили?

– Недавно.

Она взяла свой бокал с вином.

– Наш разговор похож на некий торг, – сказала она, – но ничего не получится, мистер Кемаль. Вам нужно возвращаться в Хьюстон.

– У меня нет шансов?

– Ни единого. Благодарю вас, но... поймите меня правильно. Есть вещи, через которые я просто не могу переступить. Это не в моих правилах. А я не люблю нарушать собственные правила.

– Понимаю, – сказал он, – я все равно вернусь завтра в Техас. А сегодня можно пригласить вас на танец?

– Конечно. – Она затушила сигарету в пепельнице. – Идемте танцевать.

И легко поднялась с места. Обед так и стоял нетронутым на столе. Они танцевали молча, несколько отстраненно друг от друга. Потом они говорили о каких-то незначительных вещах, но к главной теме своей встречи не возвращались. Через полтора часа, когда начало уже темнеть, она отвезла его в отель.

– Надеюсь, вы поняли правильно мои мотивы, мистер Кемаль, – невозмутимо сказала Сандра, глядя перед собой.

– Я постарался их понять, – вздохнул он, выходя из машины, – всего вам хорошего, Сандра.

– До свидания, мистер Кемаль.

Она уехала, не оглянувшись. Он стоял и смотрел, как ее автомобиль исчезает вдали. Потом повернулся и пошел в отель. Но в номер не поднялся. Зайдя в бар, он попросил налить ему двойную порцию виски. И когда бармен поставил перед ним стакан, он долго и мрачно смотрел на него. Затем, расплатившись, пошел наверх, так и не дотронувшись до виски.

В эту ночь Сандра не спала. Стоя у окна, она смотрела на звезды. Никто не мог видеть ее лица, но если бы даже увидел, никто бы не поверил увиденному. Она плакала. Нет, она плакала не из-за приехавшего симпатичного незнакомца, оказавшегося мужем ее подруги. Она плакала, вспоминая собственного мужа, так нелепо погибшего два года назад. Ей казалось, что сегодня она впервые изменила памяти покойного супруга, словно она с Кемалем сделали сегодня нечто недостойное, позорящее их обоих.

А он так же стоял у окна и мрачно смотрел вниз. Ему казалось, что проклятье его профессии налагает на него определенные обязательства и он просто не имеет права вести себя как безрассудный юнец. Ему казалось, что настоящий Кемаль Аслан должен был просто позвонить Сандре и отправиться к ней. Невзирая на ее отказ. Рискую вызвать грандиозный скандал, тем более неприятный, что Сандра Лурье была второй фигурой этого огромного штата.

Но подполковник госбезопасности, сотрудник Первого главного управления КГБ СССР Амир Караев просто не имел права на скандал. И он стоял у окна, сцепив зубы от бессилия. Временами ему было трудно отделить собственные поступки от поступков Кемаля Аслана, а временами он с удивлением наблюдал за поведением своего «двойника», словно открывая в нем все новые и новые стороны характера, прежде ему неизвестные.

Словно тяжелая кома, отнявшая сознание у подлинного Кемаля Аслана, частично передалась и ему, и он, потеряв некоторую часть собственной памяти, получил в качестве компенсации память человека, за которого он жил. Иногда он даже путался, не зная, где подлинные факты его биографии, а где придуманные по легенде в Комитете государственной безопасности. Но чувства к Сандре были настоящими, и он это с ужасом осознавал.

Утром следующего дня он улетел в Хьюстон. В самолете он сумел заснуть, и ему приснился... Кемаль Аслан, которого он впервые увидел в софийской больнице.

ГЛАВА 8

Сначала его привезли в маленький городок с таким смешным названием Елин-Пелин. Вместе с ним в Болгарию прилетели несколько сотрудников восьмого и одиннадцатого отделов ПГУ. Если специалисты восьмого отдела проводили отработки по дальнейшей переправке будущего Кемаля Аслана в Турцию, то сотрудники одиннадцатого отдела, занимавшиеся контактами с социалистическими странами, обрабатывали легенду Кемаля Аслана, прожившего в Болгарии двадцать лет.

Им повезло даже больше, чем они предполагали. Из небольшого городка в Софию, на учебу, Кемаль Аслан уехал в семнадцать лет и затем лишь несколько раз приезжал сюда повидать свою мать. После смерти матери он здесь больше не появлялся, а близких родственников у них не было. Поэтому многие из тех, с кем Кемаль рос и ходил в школу, не помнили своего бывшего одноклассника.

Его водили по городу, знакомя с местными достопримечательностями и наиболее известными местами. Ему рассказывали местные легенды и слухи, вспоминали истории, происшедшие с жителями городка в пятидесятые-шестидесятые годы. Нашли даже бывшего школьного учителя Кемаля, который охотно рассказывал о своем бывшем ученике.

Вместе с группой Кемаля прилетел подполковник Трапаков, отвечавший за подготовку и переброску агента в Турцию. Он и привез с собой профессионального гримера КГБ, который каждое утро гримировал старшего лейтенанта Амира Караева, превращая его в уже пожилого лысоватого человека с красными, слезящимися глазами. Последнее достигалось путем наложения специальных линз и было наиболее убедительным штрихом во всем облике Караева. Сотрудники научно-исследовательского института КГБ еще задолго до коммерческого освоения линз научились готовить их на довольно приличном уровне.

Перед каждым выходом в город он получал специальную одежду, дабы никто не мог даже заподозрить в этом пожилым человеке молодого парня, способного заменить Кемаля Аслана. Ему показывали старый дом матери Кемаля, знакомили с сохранившейся обстановкой и вещами, предметами мебели и кухонной посуды. По ночам он читал любимые книги своего двойника, пытаясь постичь динамику его мыслей, эмоциональный заряд этих книг, влиявший на подсознание формирующегося юноши.

Попутно он совершенствовался в болгарском. Здесь его ждали некоторые разочарования. Несмотря на одинаковые корни, болгарский и русский языки все же отличались друг от друга довольно сильно и приходилось заучивать тысячи незнакомых слов, непохожих в их русском звучании.

А днем его продолжали водить по маленькому городку, показывая и называя каждую улицу, каждый дом.

В результате через три недели он знал в городке почти каждую собаку, каждого более или менее известного жителя, каждое событие, традиционно здесь отмечаемое. Он даже стал здороваться со многими жителями, и те приветливо отвечали на приветствие, успев узнать и полюбить этого пожилого русского этнографа, приехавшего сюда со своей экспедицией и так пытливо расспрашивающего о местных обычаях и нравах. Некоторые, наиболее наблюдательные, правда, удивлялись, почему этнографов интересует именно последняя четверть века. Но ученые из Советского Союза терпеливо объясняли, что они собирают данные о развитии именно социалистической Болгарии и их меньше интересуют события, происходившие при царском режиме, если они никак не отразились на развитии городка за последнее время.

Через три недели ему разрешили поехать в Софию и впервые увидеть лежавшего там Кемаля Аслана. Он запомнил этот день в мельчайших подробностях. Кроме Трапакова, полностью в замысел операции не был посвящен ни один из сотрудников ПГУ. Они считали, что

просто отрабатывают обычный вариант данных на неведомого Кемалья Аслана, еще не подозревая, что работающий с ними в гриме молодой человек призван заменить в будущем так кстати попавшего в катастрофу настоящего Кемалья.

В больницу они приехали втроем – подполковник Трапаков, полковник Стоянов из болгарской службы безопасности, приданный советским товарищам для координации действий обеих разведслужб, и сам Караев, загримированный как обычно.

Им выдали белые халаты, и они поспешили к палате, где столько месяцев боролся со своей судьбой несчастный Кемаль Аслан. У дверей палаты находились двое сотрудников болгарской милиции, посаженных сюда по просьбе представителя советского посольства. Увидев подходящих, они вскочили, отдавая честь. Их предупредили о сегодняшнем визите, но старший по наряду капитан милиции внимательно прочел удостоверение Стоянова, прежде чем пропустил всех троих в палату. Караев вошел третьим. Его бил непривычный озноб, словно сегодня впервые он должен был так зримо сойтись со своей судьбой. Казалось, в отличие от остальных людей, он имел право выбирать себе подобную судьбу сам. Но это только казалось. Он слишком далеко зашел, и пути назад уже просто не было.

Он вошел и посмотрел на кровать. Сначала он увидел только нагромождение аппаратов вокруг тела под белой простыней. И лишь затем увидел закрытые глаза, бледное, плохо выбритое лицо, и трубки, соединяющие носоглотку больного с подключенными к нему аппаратами.

– Он может нас слышать? – почему-то спросил шепотом Караев.

– Не знаю, – пожал плечами Стоянов, – думаю, нет. Хотя наука допускает такое.

– Даже в таком состоянии? – удивленно повернулся к ним Трапаков.

– Да. Считается, что в таком состоянии они тоже могут слышать.

Трапаков пожал плечами, а Караев, как зачарованный, стал подходить ближе. Словно между ними установилась некая невидимая связь, протянувшаяся от души несчастного к его беспокойной душе. И он, забыв про сопровождающих, забыв обо всем на свете, просто встал перед кроватью и произнес:

– Здравствуй, Кемаль.

– Вы что-то сказали? – спросил Стоянов.

– Нет, – обернулся к нему Караев, – ничего.

С этого дня Караеву разрешили навещать больного, словно он мог узнать что-то новое или получить представление о характере человека, лежавшего почти бездыханным на больничной койке. Но самому Караеву эти встречи были очень нужны, и поэтому с разрешения подполковника Трапакова он раз в несколько дней приезжал сюда и оставался с больным наедине, словно прося у него совета и поддержки для предстоящей поездки в Турцию.

Его выздоровление должно было начаться через полтора месяца. По взаимной договоренности, за полмесяца до этого события настоящего Кемалья Аслана с величайшими предосторожностями должны были перевести в другую палату и поместить туда под чужим именем, несколько изменив дату приема.

Еще целый месяц Караева готовили по специальной программе. Они вернулись в Москву, и лучшие психологи, бывшие разведчики-нелегалы, специалисты по Болгарии и Турции, и все, кто нужен был для его сложной работы, снова и снова встречались с ним, отдавая свои знания и опыт этому молодому человеку. К концу месяца он был напичкан чужими знаниями почти до предела. Он уже забыл о собственных воспоминаниях, ошибках, собственном жизненном опыте, который начинал казаться нереальным и придуманным. Теперь он помнил лишь раннее детство в Филадельфии и свою многолетнюю жизнь в городке с таким смешным названием – Елин-Пелин.

Наконец, в последний день перед отъездом он узнал, что с ним хочет встретиться сам председатель КГБ СССР. Был готов к визиту столь высокого гостя, но Андропов появился

неожиданно, когда он только начинал бриться. Они говорили недолго, минут пять-десять, после чего председатель уехал.

На следующий день начались активные мероприятия по внедрению Караева в Турцию. Он прилетел вместе с Трапаковым в Киев. Именно там должны были сделать операцию на его черепе и ноге, имитируя попадание в автомобильную катастрофу. И он, здоровый молодой человек, никогда прежде не лежавший в больницах и даже не болевший, лег на больничную койку и вдохнул сладковатый аромат, исходивший из этой непонятной маски. Об уколах в семьдесят четвертом году еще всерьез не говорили.

Он проснулся через сутки с непривычным ощущением сухости во рту. Болела голова и все тело, словно он совершил многокилометровый кросс. Как ни странно, левая нога, над которой потрудились специалисты-хирурги из больницы КГБ, совсем не болела, а вот правая, до которой никто не дотрагивался, почему-то болела довольно ощутимо. Дотронувшись до перевязанной головы, он с удивлением отметил, что голову ему vybrили, как это сделали с настоящим Кемалем Асланом в Болгарии.

Он пролежал в больнице три дня. После этого повязки сняли и он обнаружил у себя на черепе глубокие шрамы. Правда, голова уже не болела, если не считать иногда привычных головных болей, которыми он страдал с раннего детства.

Через день он прилетел в Софию. Здесь ему предстояло дальнейшее «излечение» от травмы. В больнице его сначала переделали, затем отвезли в операционную, где снова забинтовали голову, вставили трубки в нос и в рот, и в таком виде отвезли в палату, откуда за полчаса до этого незаметно был перевезен подлинный Кемаль Аслан.

Бригаду болгарских врачей, которые вели больного Кемалья Аслана, срочно премировали путевками в Советский Союз на озеро Байкал, а заменившие их специалисты были врачами КГБ, уже предупрежденными обо всем. Сотрудникам больницы объяснили, что это советские специалисты, приехавшие для обмена опытом. Через два дня вся больница знала, что в результате применения новых методов лечения комы один из тяжелейших больных, на которого давно все махнули рукой, начал постепенно выходить из коматозного состояния. Но в палату к больному никого не пускали. Через десять дней больной начал даже произносить первые слова и пробовать шевелить конечностями. Об этом случае немедленно написали все болгарские газеты, прошла специальная телевизионная передача, в которой впервые показали уже Караева в роли Кемалья Аслана, лежавшего на больничной койке.

Резидентура КГБ в Турции организовала в местных газетах статьи о выздоравливающим больном болгарском гражданине турецкого происхождения. Через день выяснилось, что в Измире живет дядя спасенного и возвращенного к жизни счастливчика. Еще через день портрет дяди – Намика Аббаса – обошел все турецкие и болгарские газеты. Пресса настойчиво требовала приезда родственника к своему возрожденному к жизни племяннику.

Правда, во всей поднятой шумихе оказалась и обратная сторона, когда в больницу к больному Кемалю попыталась проникнуть его бывшая однокурсница, утверждавшая, что она подруга Кемалья. С ней было неприятностей больше всего. Мало того, что она не желала слушать никаких доводов и рвалась прямо в палату, она еще дала интервью одной из болгарских газет, рассказав, что Кемаль обещал на ней жениться. После этого в больнице появилась целая группа сотрудников института, где работал Кемаль после окончания университета, и их долго пришлось уговаривать не беспокоить больного.

Случайные посетители были убраны, а настырную девушку решили пропустить, чтобы проверить на ней результаты подмены. Все прошло благополучно. Напуганная обилием аппаратуры и бледным видом лежавшего на кровати «Кемалья», девушка не обратила особого внимания на изменение речи и дикции, решив, что это обычный послекоматозный синдром. Караев сыграл свою роль блестяще. Он запинаясь, забывал конец фразы, иногда просто отключался от внешнего мира на несколько десятков секунд.

Девушку звали Бася, это было молодое, доверчивое и наивное двадцатилетнее существо. Караев искренне сказал, что не помнит ее, и пожаловался на отсутствие должной памяти после автомобильной аварии. Несчастная девушка под конец даже разрыдалась, пожелав забинтованному «Кемалю» скорейшего выздоровления.

После ее ухода Трапаков впервые появился в палате с довольным выражением лица. Первый экзамен прошел благополучно. Теперь предстоял главный. Дядя Кемалья – почтенный Намик Аббас – наконец получил болгарскую визу и выехал на своей машине из Стамбула в Софию. Именно здесь произошла первая встреча молодого человека с родным братом своего отца.

Намик Аббас, уже однажды приезжавший в Болгарию и считавший, что у его племянника нет никаких шансов на выздоровление, не скрывал своей радости. У его брата Юсефа Аббаса, живущего в Америке, не было детей, а у него самого было лишь две дочери. Их отец – Факир Аслан в свое время принимал участие в антиправительственном заговоре против самого основателя и признанного главы Турецкой республики, Кемалья Ататюрка, и вынужден был долгие годы скрываться в Америке, а затем, вернувшись в Турцию, взять себе фамилию своей матери – Аббас, которую он дал и двум старшим сыновьям. Младший остался в Филадельфии и женился там на болгарке, сохранив родовую фамилию Аслан, которая перешла к его сыну. И теперь Намик Аббас справедливо считал племянника наследником их рода по мужской линии, прямым продолжателем их фамилии⁸.

Его не интересовали подробности лечения. Был важен сам факт возможного излечения племянника. Гостю вежливо намекнули, что болгарские власти, учитывая столь чудесное выздоровление, могут разрешить своему гражданину выехать для окончательного выздоровления в Турцию.

От радости Намик Аббас едва не задушил в своих объятиях Стоянова, представившегося сотрудником Министерства здравоохранения Болгарии и осторожно порекомендовавшего увезти больного для лучшего ухода в Турцию.

Намик Аббас немедленно подал прошение. В рекордно короткие сроки – в три дня – был получен ответ. Ему разрешали увезти начавшего поправляться буквально на глазах Кемалья Аслана. Племянник уже вставал, с разрешения врачей ходил по палате, питался без ограничений.

Дядя отправился в однокомнатную квартиру своего племянника и приказал собрать все его вещи. После чего объездил лучшие магазины болгарской столицы в поисках достойной одежды для племянника. И, наконец, перед самым Рождеством, когда христиане всего мира праздновали свой праздник, дядя купил билеты на поезд и с разрешения врачей впервые пришел для серьезного разговора со своим племянником.

«Кемаль», уже несколько раз видевший своего дядю до этого, встретил его с показным равнодушием. Более того, он даже отказывался ехать в Турцию, утверждая, что все его друзья остаются здесь, в Болгарии. И даже любимая девушка Бася. Дядю это обстоятельство чрезвычайно взволновало. Достаточно было и одной болгарки в их семье – матери самого Кемалья. Он долго просил молодого человека проявить благоразумие и отправиться вместе с ним в Турцию, пока наконец не вспомнил покойного отца Кемалья и его дедушку.

Наконец племянник согласился. Они сели в поезд двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот семьдесят четвертого года. Уже находясь в купе, «Кемаль Аслан» увидел среди проважавших Трапакова. Дядя бегал по вагону, радостный и возбужденный. Караев посмотрел

⁸ У восточных народов, особенно у турков, сохранение родовой фамилии считается особой гордостью. Поэтому на Востоке так хотят рождения сына в семье – мужчины и продолжателя рода. При этом подобные традиции сохраняются и в очень образованных современных семьях. Для примера можно вспомнить и премьер-министра Турции, очаровательную госпожу Тансу Чиллер, чей отец, имевший двух дочерей, согласился выдать ее замуж лишь при условии, что будущий муж возьмет их фамилию и родовая фамилия таким образом будет сохранена. Муж согласился, и теперь он господин Чиллер.

в глаза Трапакову. Тот поднял руку на прощание. Караев закрыл глаза. Когда он их открыл, поезд уже тронулся. Теперь в купе сидел Кемаль Аслан.

ГЛАВА 9

В назначенное время он приехал в порт. Ему не нужно было искать склады компании, повсюду виднелись указатели. Оставив машину на стоянке и забрав с собой небольшой чемоданчик, он неторопливо пошел к месту встречи.

Вчерашняя поездка в Батон-Руж не столько утомила его, сколько огорчила, и он все утро больше думал о Сандре, чем о бывшем полицейском Эрнсте Крайтоне, вставшем на путь сотрудничества с мафией. Чемоданчик в его руках казался не особенно тяжелым. Кемаль был в длинном плаще. Конец ноября в Техасе обычно сопровождался сильными ветрами и дождями.

Вчера, после приезда, ему снова позвонил Том. Они обговорили последние детали, и теперь Кемаль ехал на встречу с Крайтоном один. И совершенно один шел по направлению к складам. Будь он не один, его легко можно было бы разоблачить. Пройти незамеченным рядом с ним было просто невозможно. Он подошел к помещениям. Поднялся по лестнице, с трудом открыл железную дверь. Она с грохотом подалась, и он вошел внутрь. Там было сыро и темно. Кемаль шагнул дальше. Под ногами иногда что-то скрипело, шуршало, словно здесь был рассыпан мелкий гравий, после чего склад был окончательно оставлен людьми.

Кемаль прошел на середину склада и огляделся. Здесь никого не было. Он негромко позвал:

– Мистер Крайтон, я пришел по вашей просьбе.

Все было тихо.

Он пожал плечами и уже собирался идти дальше, когда буквально у него над головой раздался голос Крайтона.

– Рад вас видеть, мистер Кемаль.

Он посмотрел вверх. Никого не было.

– Как вы добрались? – снова где-то рядом спросил Крайтон.

– Откуда вы говорите? – спросил довольно нервно Кемаль, как и должен был спросить глава крупной фирмы, никогда не попадающий в подобные переделки. – Вам нравится играть в кошки-мышки?

– Я никогда не играю, мистер Кемаль, – снова раздалось прямо у него над головой, – просто я никогда и никому не доверяю. Вы принесли деньги?

– Принес, – поднял чемоданчик Кемаль, – но сначала я хотел бы с вами переговорить.

Он снова огляделся. Где прячется этот мерзавец? Почему он его не может увидеть?

– Мне тоже очень хотелось поговорить с вами, мистер Кемаль. И выяснить конкретнее, как погибли мои друзья. Некоторые газеты писали, что они просто устроили гонку с вашим автомобилем, в результате чего опрокинулись и взорвались. Я не верю в сумасшедших гонщиков, мистер Кемаль. Этих людей я знал. Только за очень большие деньги они могли рискнуть и выйти с вами на финишную прямую. Но даже при таком раскладе вы выиграть не могли ни при каких обстоятельствах. Там за рулем сидел профессионал, настоящий специалист своего дела. И если вы его переиграли, значит, ему либо не повезло, либо вы специалист еще более крупного масштаба.

Кемаль наконец понял, откуда шел этот голос. Буквально в пяти метрах у него за спиной висел небольшой магнитофон, прикрепленный к железному основанию склада. Очевидно, Крайтон следил за своим гостем, но разговаривать предпочитал посредством подобного технического приспособления.

– У нас не было никаких гонок, – сказал Кемаль, – просто они пытались меня обогнать и сорвались вниз. Вот и все.

– И вы сами верите в эту историю? – спросил насмешливый голос.

– Можете не верить. Я пришел не для того, чтобы выйти за вас замуж, мистер Крайтон, – саркастически заметил Кемаль. И услышал в ответ тихий смех.

– Вы храбрый человек, мистер Кемаль, – произнес явно поощрительным тоном Крайтон, – я не думал, что рискнете прийти один и в такое место. Но раз пришли, мне нужно будет спуститься вниз самому. Подождите меня немного.

Кемаль пожал плечами и, положив чемоданчик на пол, поправил узел галстука. После чего снова взял чемоданчик в руки и стал терпеливо ждать своего невидимого собеседника. Крайтон явно любил сценические эффекты. Выгнанный из полиции, он получил сильную психологическую травму и теперь все время пытался доказать самому себе, какой он хороший профессионал. Именно поэтому он спустился вниз по веревке, словно в лучших голливудских фильмах, скользнув вниз прямо перед носом у своего гостя.

В отличие от него, Кемаль не любил ненужных эффектов и, как настоящий разведчик, презирал откровенное бахвальство и ненужный риск. Теперь перед ним стоял среднего роста человек, коренастый, с мощным разворотом плеч и голым, выбритым почти до белизны, черепом.

– Здравствуйте, мистер Кемаль, – неприятно улыбнулся Крайтон, но руки не протянул.

– Это вы помогали доставать Ронни Седлеру нужные нам документы? – строго спросил Кемаль.

– Конечно, я. Думаю, вы уже давно догадались об этом. Кроме меня, ни у кого не бывает ключей по ночам. А людей тоже назначаю только я. Пришлось потрудиться самому. Но игра стоила того.

– Вы хотите двадцать пять тысяч? – уточнил Кемаль. – Я согласен, но только с одним условием – дайте мне наконец эти документы.

– А они разве не у вас? – В глазах Крайтона мелькнула растерянность.

– Конечно, нет. Иначе зачем бы я пришел на встречу с вами?

– Подождите, – не понял Крайтон, – вы хотите сказать, что Ронни Седлер перед тем, как разбиться, не дал вам никаких документов? Я вас правильно понял?

– Вы умный человек, Крайтон. Если он дал мне эти документы, тогда зачем бы я пришел сюда? Или мне нравится ваша компания?

– Хорошо, – чуть подумав, сказал Крайтон, – я сделаю вам вторые копии, если вы согласитесь. Но вы заплатите за вторичный риск половину от всей суммы. Итого – двадцать пять тысяч. Ведь, кажется, с Ронни вы сговаривались за пятьдесят.

– Это коммерческая тайна.

Крайтон усмехнулся.

– Так и быть. Договорились. Давайте ваши деньги. Мы через несколько дней снова привезем эти документы.

– Не пойдет, – ответил Кемаль, прижимая к себе чемоданчик, – сначала мне нужно видеть документы. Может, это подделка.

– Не нужно оскорблять нас, мистер Кемаль, – обиженным тоном заметил Крайтон, – вы уже поняли, что имеете дело с настоящими профессионалами.

– Именно поэтому я хочу посмотреть документы, – решительно сказал Кемаль.

Наступило неприятное молчание.

Крайтон облизал губы.

– Вы сами напросились, – предостерегающе сказал он, – вообще-то я хотел этого избежать.

В руках у него появился «вальтер».

– Вы с ума сошли! – с преувеличенной нервной реакцией сказал Кемаль. – Немедленно уберите ваше оружие.

– Спокойно, мистер Кемаль, – посоветовал Крайтон. – Спускайтесь, ребята.

Сверху спустились еще трое молодых людей. Один, оказавшись проворнее всех, – на веревке, другие шли по лестницам. У всех в руках было оружие.

– Я хотел этого избежать, мистер Кемаль, – сказал Крайтон, поднимая свой пистолет на уровень груди пришедшего бизнесмена.

– Вы обычные грабители, – презрительно сказал Кемаль.

– Ничего подобного, – разозлился Крайтон. – Кто-то похитил документы нашего друга Седлера. Украл их прямо из дома. Как раз в тот момент, когда вы устроили свои подозрительные гонки. Неприятное совпадение, мистер Кемаль. И документов нет, и денег, и бедного глупого Ронни Седлера.

Спустившийся первым молодой бандит встал за спиной Кемалья.

– Положите чемоданчик на пол, – посоветовал Крайтон, – и не делайте резких движений. Это в наших общих интересах.

Кемаль осторожно положил чемоданчик на пол рядом с собой. Молодой парень, стоявший за его спиной, подошел ближе.

– Открой, – приказал ему Крайтон.

Тот кивнул и, немного повозившись с замком, открыл чемоданчик. Сверху лежали пачки долларов.

– Все в порядке, – улыбнулся Крайтон, – можешь закрыть.

Парень закрыл чемоданчик.

Подошли двое других, уже убирая оружие. Они видели пистолет в руках Крайтона и знали, как может стрелять бывший полицейский, прошедший специальную подготовку для борьбы с торговцами наркотиками.

– Мистер Кемаль, – покачал головой Крайтон, – вы думали, что сумеете нас переиграть. Но ничего не получилось. Мы не любим предателей.

– Скорее этот упрек можно было бы адресовать вам, – угрюмо произнес Кемаль.

Крайтон улыбнулся, чуть убирая пистолет.

– Ронни был моим другом.

– И моим, мистер Крайтон. Меня заставила приехать только память о нашем общем друге.

– Тогда тем более нам будет легче договориться, – неожиданно заявил Крайтон, – мы согласны за двадцать пять тысяч привезти вам всю документацию по интересующему вас делу. Но еще пятьдесят нужно будет выплатить моим мальчикам за участие в этом деле и их молчание. Сегодня молчание дорого стоит, мистер Кемаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.